

Авдеенко Алексей

Похищенный воин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Авдеенко
Похищенный воин

«Автор»

2002

Авдеенко А.

Похищенный воин / А. Авдеенко — «Автор», 2002

Типичная история попаданца. Юноша пошел в поход, а оказался на неизвестной планете. К счастью, она обитаема и весьма похожа на землю. Но населена сказочными и фантастическими существами. Хотя планета называется Ирий, что на древнеперсидском означает рай, обитатели ее отнюдь не ангелы, а многие больше напоминают чертей. Есть на Ирии и люди с Земли, но дружба героя складывается с аборигенами. Рекомендуется поклонникам фэнтези и фантастики. Содержит нецензурную брань.

© Авдеенко А., 2002

© Автор, 2002

Алексей Авдеенко

Похищенный воин

Хроники Ирия. Похищенный воин
(роман)

Глава 1. Пещеры Иоганна

В помещении было душно, но довольно светло. Бледный фосфорический свет излучали сами стены. Я лежал на куче мягкого вещества, внешне похожего на торф, а по запаху на куриный помет.

– Ты очнулся, дорогой, – послышался незнакомый голос. Не теряя надежды, что еще сплю, я привстал и протер глаза.

– Ну, вставай. Поговорим. Давненько мне не встречался живой человек, к тому же соотечественник.

В противоположном конце пещеры, на куче шкур и тряпок, возлежал юноша в короткой полупрозрачной тунике. Я сел, отряхивая пыль с рукавов куртки.

– Какой же сейчас год на Земле? – спросил мой странный собеседник.

– Две тысячи двадцатый год.

– Ах, Боже мой! Как быстро летит время! – воскликнул юноша. Говорил он, с пафосом хватаясь то за голову, то за сердце, как неудавшийся актер из низкобюджетного кино, и костюмчик соответствует.

– Был бы тебе очень благодарен, если бы ты мне объяснил, где я нахожусь и как сюда попал? И с кем имею честь разговаривать?

Я пытался вспомнить, что было вчера. Ну да, кажется, вспомнил. Компания моих друзей, военно-исторических реконструкторов, уговорила меня отправиться в поход. Собравшись в древнем Танаисе, мы разбили лагерь недалеко от раскопок, поужинали и легли спать прямо под открытым небом. Мне снилось море, сосновый бор. Потом вдруг – яркое солнце, сильный удар о землю и пикирующая на меня зубастая пасть. Дальше я не помнил ничего.

– А ты герой, – сказал хозяин пещеры. Он соскоблил со стены светящейся слизи, с полминуты разглядывал, после чего отправил в рот. Человек этот был очень высокого роста, худощавый, бледный, с вытянутым длинноносым лицом и светлыми кудрями. – Не зря тебя сюда забросили.

– Кто забросил?! Зачем? Это какой-то розыгрыш?..

– Узнаешь, может быть. Впрочем, цель твоя здесь – выжить и убивать всех, кто попадет на пути. Неплохо ты огрел ту тварь топором. Жаль, правда, что она унесла твой рюкзак. Может, в нем была земная пища, я так соскучился по ней.

– Я не собираюсь никого убивать! Ответь мне, где я и как мне попасть домой!

Слова мои прозвучали, наверное, слишком громко, потому что из коридора появились две дюжины существ и стали между мной и юношей. Существа были похожи на людей лишь тем, что ходили на двух ногах. Очень маленького роста, покрытые белым пухом, с глазами желтыми и круглыми, как у совы. Каждый держал в руках лук и стрелу. Юноша захохотал и надел на голову венок из золотых лилий. Он что-то свистнул, и существа разбежались. Увиденное потрясло меня так, что на миг лишило дара речи.

– Ты хотел знать мое имя? Я Иоганн – император подземелья белых пупсов, король навозников и троглодитов, – произнес собеседник наигранно и надменно, жестикулируя, как на сцене. – Я смогу помочь тебе, коли ты поможешь мне. Кстати, ты можешь называть меня просто – Иван.

– Что за придурок, – мелькнула в голове мысль выводя меня из ступора. Внезапно послышался звон цепи и звук, похожий на мурлыканье кошки: из за двери, спрятанной за ложем, появилось существо настолько странное, что белые пупсы показались в сравнении с ним чем-то обычным. Передвигалась вошедшая на четы-

рех ногах. Голова и туловище ее были подобны женским, только последнее покрыто гладкой черной шерстью, как у пантеры. Конечности тоже кошачьи и длинный кошачий хвост сзади. Иван схватил сфигу за шкуру на холке, бросил на кровать и, погрузив руки в густую шерсть, принялся гладить и целовать, отнюдь не как домашнего котенка. Шокированный и смущенный свидетель сего поспешил отвернуться, а после и вовсе убраться из этой комнаты.

Обнаружив позади себя еще один выход, я шагнул в него, и сразу же наткнулся на стену вылупившихся на меня белых пупсов.

И что теперь?

Какое-то время пупсы неподвижно тарацились, потом вдруг как по команде расступились.

Пройти мимо них? Но что на уме у этих странных существ? Может они набросятся на меня и сожрут? Из «спальни Иоганна» доносились мяукающие стоны. Возвращаться туда было противно, а уходить дальше страшно. Сев на пол и прислонясь к стене, я закрыл глаза.

«Это сон. Это всего лишь сон», – убеждал я себя, больно щипая за ногу. – Сейчас открою глаза и окажусь дома.

Но перед глазами выплыла круглая пучеглазая морда. Приблизившись почти вплотную пупс рассматривал мое лицо.

Никогда бы не подумал, что умею так орать. Перепуганный пупс отпрыгнул назад и вместе с остальными ошалевшими собратьями исчез в сумраке пещеры.

– Проклятье! Я, наверное, сдох?! Отравился паленой водкой, грибами или что там еще вчера было на ужин? Неважно, но теперь я в аду! Вот они какие – черти! Господи!

Лихорадочно ощупав шею, я обнаружил свой серебряный крестик на месте. Как же меня сюда пустили то – с крестом? Да и вообще, на тот свет, принято считать, попадают голяком. А на мне мои куртка, джинсы, кроссовки, на руке часы, в карманах фонарик и складной нож. Хотя кто знает – с того света никто не возвращался.

Появление хозяина пещеры прервало мои размышления. Поправляя тунику, Иван выплыл из своей «опочивальни».

– Ты что ж это, сбежать замыслил?! Зря!

– Нет. Просто решил, что ты хочешь побыть наедине со своей...(с минуту я подбирал слова) – девушкой.

– Девушкой?! – Иван расхохотался. – Ну ты и ляпнул! Кошкой, пантерой, но девушкой эту тварь никто еще не называл. Это сфинкс! Одна из самых опасных здешних фурий. Когти, как ножи, из них два ядовитых кинжала на задних лапах. Некоторые из сфинксов обладают парализующим взглядом. Смотрит тебе в глаза, и не можешь двинуться с места.

– Это демон?

– Что? Сам ты демон, деревня! О небо! Двести лет прошло, а немытая Россия все еще живет поповскими сказками и верит в чертей! Ты подумал, что умер и попал в ад? Нет никакого ада, рая! Нет никакого Бога, ангелов, святых! Есть лишь величие человеческого разума и прелесть чувственных ощущений – пустился в полемику император белых пупсов.

– И куда же тогда меня угораздило попасть? – прервал я монолог любителя здешних фурий.

– Ты находишься на другой планете, – ответил Иоганн, успокоившись. – Она похожа на Землю, но очень далека от нее. Называется планета «Ирий», что на древнекакомтотам означает «рай». Хотя теперь, благодаря тысячелетней войне добра со

злом, больше походит на пустыню. Твой друг и благодетель (Иван себя имел в виду), – такой же человек, как и ты, только попал сюда гораздо раньше и до сих пор жив. На этой планете другие законы природы. Здесь нет старения, смерти – если тебя, конечно не убьют. Ты не представляешь даже, как тебе повезло! Вечная жизнь! Вечное блаженство!

Вот, опять его понесло. Красноречие Иоганна утомляло, и после всех пережитых стрессов казалось неуместным.

В комнату вошла женщина-кошка и села у ног хозяина.

– Вечное блаженство? – кивнул я в сторону сфинксы.

– Ну нет здесь женщин! – развел руками Иван. – В древние времена их тоже похищали, но люди быстро плодились, переходили на сторону зла, а самое страшное – стали рождать отвратительных монстров вместо детей. Вот и приходится довольствоваться теперь местными тварями. Не велика плата за вечность! Пожми ей лапку. – Иван ласково улыбнулся, глядя на свою любимицу. – Эта киска не опасна. Я ей когти и зубы повыдергивал, чтобы пупсиков не жрала.

Инопланетянка протянула мне лапу, и я ее осторожно принял. – Интересно, лапа как у кошки, только огромная, но большой палец наподобие человеческого. Такая лапа вполне может брать и удерживать предметы.

Неожиданно прервав мои мысли, сфинкса сжала мне руку и принялась лизать, блаженно урча.

Иоганн сразу же отвесил зверушке размашистого пинка. Женщина-кошка взвыла и удрала в опочивальню.

– Похотливое животное! Сука! – орал перекосившийся от злости Император белых пупсов.

– Я не при чем. Ты сам сказал пожать ей лапу.

– Помню, не идиот! Ладно. Иди за мной, кое-что покажу. Заодно обсудим условия твоего пребывания в моем дворце.

Длинный сумрачный коридор вывел нас в обширную, довольно светлую пещеру. Свет пробивался сквозь щель в стене. И хотя после полутемного тоннеля от него болели глаза, меня нестерпимо тянуло увидеть солнце и вдохнуть свежего воздуха.

– Подожди немного. – предостерег Иван. – Пусть привыкнут глаза.

Я сел рядом с щелью, напротив Иоганна. Из щели тянуло свежим ветерком, столь приятным после спертого, вонючего воздуха подземелья. Сомнения, что это сон, а не явь, уже отпали, но все еще не верилось, что это не Земля. – Возможно меня похитили. Но кто и зачем? И если это так, то к чему такой маскарад? А как же тогда пупсы? Ну допустим, кто-то нанял две сотни карликов, нарядил их таким нелепым образом, но «леди-кошку» тогда должна играть гениальная актриса, да и гример должен быть гением. Друзьям моим такой розыгрыш не по средствам и не по нраву. Мошенничество? Родственников-миллионеров у меня нет. А если бы и были, не проще ли обойтись наручниками, пистолетом, ну и добрым словом конечно? Может, на мне испытывают какой-то наркотик?

– Ладно. Можешь смотреть, – разрешил Иоганн.

Снаружи млела выжженная солнцем пустыня. Метрах в пятистах, на вершине кургана, стоял автомобиль.

«Значит, все-таки на Земле», – мелькнула радостная мысль.

– Видишь эту повозку?

– Машину.

– Пусть будет машину. В ней были солдаты. Их убили очень быстро, они даже не успели взяться за оружие. Оно все осталось в карете. Новое оружие, земное, которое стреляет далеко, часто, быстро заряжается. – зеленые глаза Иоганна расширились вспыхнув огнем страстного желания обладать. – Ты должен принести его мне.

Машина была американским армейским джипом. Она совершенно сливалась с желто-красной пустыней, скорее всего из за толстого слоя пыли.

– Давно она здесь стоит?

Иван задумался.

– Если в земном времени, то лет двадцать.

Лет двадцать? Да он сам выглядит ненамного старше двадцати! – Подумал я, и спросил Ивана, почему он не взял оружие раньше.

– Ну, можно было бы отправить пупсов, но они притащат что попало, а нужные вещи могут и не взять – пупсы не очень умны, к тому же ночные животные. Они плохо ориентируются под ярким солнцем: потеряются, замешкаются и погибнут.

– А ночью?

– А ночью погибнут еще быстрее. Над нашей скалой гнездо гарпий, а под курганом змеиное логово. И те, и другие тоже ночные твари. Да и повозка мне также нужна.

– А я не подвергаюсь риску?

– Ну а теперь поговорим о тебе. Ты обязан мне жизнью! Я спас тебя, поэтому твоя жизнь и ты сам принадлежат теперь мне! Спас потому, что ты свалился с неба в десяти шагах от пещеры. Окажись ты дальше, я не стал бы рисковать даже навозниками. Я двадцать лет ждал, когда мне попадет паршивец, умеющий управляться с новыми ружьями и каретами! Не будь этой машины, тебя постигла бы та же участь, что и парней из нее. Мне незачем спасать дармоеда! Если ты откажешься пригнать мне повозку, я выкину тебя вон, и твоя участь будет решена еще до захода солнца.

– Понятно. Ну а что будет, если я пригоню машину?

– Твой спаситель великодушен и щедро отблагодарит за оказанные услуги, – гордо ответил Иван.

– Его величество изволит вернуть меня домой? – в голосе моем звучали нотки сарказма, но Иоганн пропустил их мимо ушей.

– Этого Его Величество не может сделать. Но может научить тебя местным языкам, поделиться с тобой оружием и выпустить на все четыре стороны в безопасном месте. Если тебе повезет, как уже однажды повезло встретить меня, ты сам найдешь тех, кто тебя сюда притащил, и убедишь их вернуть тебя на Землю.

– Хорошо. Я согласен. Только у меня сильно болит спина и рука, наверное, ушиб при падении.

– Тебя никто не торопит. Восстанавливай свое здоровье. Император долготерпелив, ждал годы, подождет еще несколько дней. В королевстве есть целебный горячий источник, мои слуги сегодня тебя туда проводят. Ну а сейчас пора обедать. Пойдем. Теперь ты королевский гость.

Обед подали в той же зале, где я впервые встретил Иоганна. Угощение оказалось довольно скудным: какие то сырые грибы.

«Не очень-то рацион для стола императора, пусть даже и белых пупсов», – подумал я. Заметив мою кислую физиономию, Иоганн усмехнулся.

– Ешь, ешь, привыкай, другой пищи ты здесь не получишь.

Сам хозяин пещеры разнообразил свой рацион каким-то, брюквообразным вареным корнеплодом, несколькими крупными желтыми ягодами, пучком зелени и чашкой светящегося киселя. Подружка Иоганна сидела под столом и жрала какого-

то маленького кровавого зверька. Обстановка и запах за обедом вызывали что угодно, только не аппетит. Макнув один гриб в латунную, как мне показалось, солонку я положил бледный комочек в рот. Соль отдавала серой и золой, а гриб навозом. Ощущение – будто ешь сырой шампиньон, только что сорванный на старой навозной куче, приправленный дымным порохом. С большим трудом мне удалось заставить себя проглотить эту гадость.

– А если их сварить или пожарить, наверное, вкусно будет, – предложил я хозяйину пещеры.

– А глупее ты ничего сморозить не мог? – съязвил Иван.

– Почему это глупость? Разве на Земле ты ел грибы сырыми?

– На Земле не было проблем с топливом, чтобы тратить его на стряпню, и не было тварей, способных выследить тебя по запаху дыма. Экономия и осторожность – вот два качества, благодаря которым я живу здесь так долго.

Вместе с ротой солдат гвардии Литовского полка Иоганн попал на Ирий в самом конце войны 1812 года. Рота погибла в течение первого дня. Но два человека все-таки выжили. Иван попал в плен к каким-то хищным гуманоидам и был продан в рабство в огромном городе, называемом Новым Римом. Город был основан выходцами из Римской империи. Цивилизация в нем мало изменилась с тех времен. Кроме людей, населяли его и другие разумные существа разных видов. Иван сменил множество профессий: плотника, гончара, писаря и даже газетчика. В конце концов он получил свободу и стал удачливым коммерсантом. Своего товарища и командира – поручика по имени Евгений – он встретил только через пятьдесят лет, случайно во время коммерческого путешествия в другой великий город Ирия – Новый Вавилон. В пути каравану встретилась огромная армия, вооруженная и обмундированная по образцу начала 19 века. Но самым странным было то, что все ее солдаты и офицеры были как один копиями Евгения. В тот же день Иван встретил и самого поручика – командующего этой ратью. Солдаты называли его великим золотым королем. Евгений предложил Ивану стать своей правой рукой, и тот охотно согласился. Армия короля вела весьма успешные войны. Ее солдаты дрались так храбро и самоотверженно, как ни одни воины ни одной армии Земли. Жизнь Ивана стала похожа на сказку – нигде он еще не видал такой роскоши. Король не ограничивал его в потребностях, не требуя ничего взамен. «Правая рука» даже не обязан был присутствовать на сражениях. Но вскоре такая жизнь стала его раздражать: король не делился с ним планами сражений, не говорил, откуда он взял эту рать, а также не пускал в какое-то подземелье, строго охраняемое. Туда Евгений спускался один, но возвращался с новыми солдатами. Еще больше Ивана раздражала гордыня короля, самопровозглашенные титулы, его планы захватить всю планету и установить на ней свой порядок, а еще мечты вернуться на Землю и тоже покорить ее. Иван втайне завидовал своему покровителю и ненавидел его. Он чувствовал себя придворным шутком. А ведь он был не простым мужиком, а разорившимся мелким дворянином, сосланным в армию за антироссийскую деятельность. Иван стал пытаться вербовать солдат и офицеров в тайное революционное общество, но у него ничего не получалось. В конце концов об этом стало известно Евгению. Король был милостив – он не стал убивать предателя, а отпустил на все четыре стороны в безопасном месте с оружием и запасом еды.

– Эти солдаты бесконечно преданы мне, – сказал он на прощанье. – Они не просто воины. Они мои дети, часть меня самого.

Через месяц скитаний изгой попал в подземелье белых пупсов, где безвылазно пребывал до моего появления.

– Ну ладно. Вижу – ты не голоден, – сказал «император». Он свистнул три раза – прибежали несколько пупсов. Существа убрали со стола и разбежались, кроме одного. – Этот пупс отведет тебя в баню. Следуй за ним.

Идти пришлось очень долго по довольно узкому светящемуся коридору, и еще дольше ползти на четвереньках по какой то темной норе. Целебный источник находился в просторной круглой пещере. В потолке зияло небольшое отверстие, и лучик света, проникая в него, освещал бассейн с горячей водой. Пол и стены пещеры были покрыты желтоватым налетом серы. Эта пещера напомнила мне провал в Пятигорске. Здесь было гораздо приятнее, чем в опочивальне Иоганна. Из расщелины веяло свежим воздухом и струился слабый солнечный свет.

Пупс ушел, а я разделся и вошел в воду. В теплой ванне меня разморило и я заснул, не заметив, как наступила и закончилась ночь.

Утром за мной зашел, вернее, заполз сам «император».

– Как самочувствие? – спросил он с приветливой улыбкой.

– Отлично. – я сам был удивлен. Даже синяки и ссадины прошли. А ведь еще вчера я опасался, что получил не только ушибы, но и сломал одно-два ребра.

– Ну если отлично, то и отлично! А твой спаситель провел вчера бессонную ночь! Долго размышляя, Император пришел к умозаключению, что сегодня ты обязан выполнить свой долг. Следуй за мной. – и его величество, встав на четвереньки, гордо вползло в нору.

Пещера, из которой Иоганн показывал мне вчера машину, закрывалась огромным гранитным колесом. В полу пещеры была выдолблена канавка, по которой катался этот «жернов». Заходя в пазы в стене и потолке над входом, колесо надежно запирало пещеру. Снаружи открыть эту дверь было невозможно, а разбить получилось бы разве что из гранатомета. Изнутри же она открывалась с помощью рычагов, лебедки и нескольких сотен пупсов.

– Скоро полдень. Готовься. Не хотелось бы, чтобы ты погиб, – сказал Иван.

Его подданные вовсю пытели отодвигая камень. Я снял верхнюю одежду, оставшись в спортивных трусах, майке и кроссовках. Бежать придется быстро, лишняя одежда будет только мешать. Еще вчера я продумал свои действия. Если в машине есть пусть даже разрядившийся аккумулятор, а в бензобаке хоть немного горючего, ее можно будет завести, разогнав с бугра.

– В случае чего Император тебя прикроет, – сказал Иван, беря в руки кремневое ружье. Второе ружье и саблю держал в лапах пупс-оруженосец.

– Дай мне хоть саблю, – попросил я хозяина пещеры.

– Если тебя сожрут, как ее обратно вернуть? А если добежишь до машины, там будет полно оружия, надеюсь. Ну ладно! Хватит трусить! Мужчина ты или нет!? Вперед!

Ни одну эстафету я так не бегал, даже в армии. Через минуту вершина холма была покорена. Солнце жгло нещадно, сердце стучало, как мотор. В джипе и правда было оружие. Но куда же делись люди? Противоположный склон оказался более крутым. Взглянув вниз, я увидел огромную нору у подножья кургана. Кучи костей валялись вокруг, среди них были и человеческие.

У меня потемнело в глазах. Метнувшись к джипу, я повернул ключ: он, к счастью, оказался в замке, снял машину с тормоза и начал толкать с горки. Разогналась она отлично, но завелась уже внизу. Отъехав от холма и почти остановившись, машина все-таки завелась. И тут метрах в двухстах справа из-за скалы появился тираннозавр. Да-да, именно тираннозавр, ибо ни на что другое приближающаяся к автомобилю тварь похожа не была. Сзади с кургана послышался жуткий визг.

– Без паники! – выжав педаль газа на всю, я развернул машину к пещере. Прав у меня не было. Еще не закончив курсы вождения, ездил я отвратительно, но в пустыне не было ни встречных машин, ни столбов. Главным было попасть в пещеру. Переборов страх, я сбросил скорость, понимая, что иначе, если даже каким-то чудом не врежусь в скалу, то разобьюсь в лепешку о заднюю стену пещеры. Зеркало разлетелось вдребезги, весь левый бок смялся в гармошку, но все-таки мне удалось припарковаться. За такую езду следовало выгонять с курсов, но лучше так, чем быть растерзанным на куски. Экзамен монстрам был сдан. Огромная дверь захлопнулась перед самой пастью ужасного ящера, раздавив тварь поменьше, наполовину вползшую вслед за джипом. Страшный удар сотряс всю пещеру, но гигантское колесо не сдвинулось. Иван что-то свистел и кричал. Пупсы и навозники укрепляли дверь бревнами. Другие били копьями и дубинками извивающуюся то ли змею, то ли сколопендру. Прибежали троглодиты и принялись рвать чудовище своими жуткими зубами. Я встал из-за руля. Ноги подкашивались, руки тряслись. Единственное, чего мне хотелось, это поскорей убраться отсюда, и я отправился к горячему источнику.

Лежа в теплой воде, мне с трудом удалось успокоиться и погрузиться в сон.

Разбудил меня Иоганн. Притащив в баню ужин, свечи, свою «кошку», несколько придворных пупсов, он решил устроить тут торжество. Сегодня в меню были вареные грибы и овощи, (с голоду они показались мне очень вкусными), ягоды (на вкус и цвет как алыча, только без косточек) и какая-то зелень, не то шпинат, не то черемша. А еще был горьковатый, но все же приятный, отдаленно напоминающий чай отвар, поданный в золотом чайнике.

– Видишь, какая тебе оказана честь, – хвалился Иван. – Есть из золотых приборов. Хочешь, возьми их себе. Отвезешь на Землю, станешь там богаче царя. Мне же оставишь за них свои ненужные вещи и тряпки.

Я вежливо отказался. Другой посуды, кроме золотой, у Иоганна не было, а вот с одеждой и прочими вещами наблюдался дефицит. Может быть, золото и правда здесь ничего не стоит.

На столе была даже выпивка: половина бутылки виски найденная в бардачке джипа. Но ее император опустошил сам, после чего вырубился и чуть не утонул в собственной ванне.

Джип и правда оказался собственностью армии США. Вместе с ним Иоганну досталось 15 помповых ружей, десятков автоматических винтовок и по два ящика патронов к тем и другим. Мне предстояло проверить все оружие, обучить Ивана обращаться с ним. А еще разобрать по винтику весь автомобиль, ибо хозяин пещеры, хоть и не без сожаления, решил, что железо полезнее машины с почти пустым баком, на которой к тому же негде кататься. Между тем Иоганн усиленно взялся за обучение меня местным языкам. Здесь использовались два земных: латынь и праславянский. Первый я немного знал – изучал в техникуме и институте. Второй, как ни странно, дался мне очень легко, что совсем не удивило моего учителя.

– Это дар Стрибога, – сказал Иван.

– Кого?

– Стрибог – бог ветра. Он всегда помогает славянам, а еще иранцам, немцам, кавказцам, индусам, ну в общем всем, кому ни попадя.

– Ты ведь не веришь в Бога.

– Не верю. Да это и не такой бог, как у попов на Земле. Местных божков, говорят, можно увидеть и даже убить. Мне пока не известна природа этих тварей, но когда разберусь... – сам стану богом! – произнес Иоганн надменно.

«И останешься у разбитого корыта, – подумал я. – Мало ему быть царем воюющей пещеры?! Бога ему подавай!»

– Вот тогда-то! – Иоганн мечтательно закрыл глаза.

– И как же Стрибог это делает? – Прервал я его размышления и мечты.

– Ну, ты спишь на сквозняке, а он нашептывает тебе прямо в мозг.

– Так мне, выходит, знание языка в голову надуло? – усмехнулся я.

– Вроде как-то так, – ответил Иван.

Еще на этой планете практиковался язык свиста – общий для всех людей и животных. Ибо далеко не все разумные существа, населяющие Ирий, могли издавать членораздельные звуки. Этот язык мне не давался никак. Свистел я очень плохо и полностью передать нужный тембр не мог вообще. В конце концов мой учитель махнул на меня рукой, сказав, что с меня хватит и человеческих языков. Сам же Иоганн оказался гораздо более способным учеником. Очень быстро выучился обращаться с современным оружием. А по меткости он давал мне сто очков вперед, ибо тренировался почти каждый день, стреляя всевозможных тварей на корм своей подружке из двух старых кремневых ружей собственноручно отлитыми золотыми пулями. Порох Иван тоже делал сам. Серу брал в горячем источнике, селитру в старых залежах навоза, а запасы древесины для угля у «императора» были еще с прежних времен.

– Когда я попал сюда, – говорил мне Иван, – всюду были леса. Но вот уж двадцать лет ни одного дождя, только туманы время от времени. Деревьев теперь очень мало.

Пещеры Иоганна простирались на многие километры в разные стороны. Экономика в этой «стране» основывалась на навозе. Пупсы выращивали грибы, которыми кормились все жители пещер. Навозники – коричневые пупсы с перепончатыми лапами – собирали «сырье» в пустыне и доставляли в пещеру, скатывая, как жуки, в шары. Хищники редко охотились на этих пупсов из за их отвратительного запаха. Еще в пещерах живут троглодиты – уроды с телом пупса и головой крота-слепыша. Несмотря на свой ужасный вид, эти существа довольно дружелюбны.

Глава 2. Под небом враждебного мира

У Иоганна я прожил два месяца земного времени. Наблюдать восход либо закат солнца мне не приходилось, но у меня были часы с календарем. Хотя Иван говорил мне, что это совершенно никчемная вещь. Сутки на Ирии, по его словам, длятся дольше, чем на Земле, а год короче. Времен года, как таковых, не существует, ибо планета движется вокруг солнца по круглой орбите. В свою очередь вокруг планеты вращается целых четыре спутника, и раз в 4 дня происходит полное затмение солнца. Вернее, на четвертый день солнце просто не всходит, и ночь длится полтора суток. Это время называют черными сутками или високосной ночью. Два периода затмений (8 местных суток) равны примерно десяти земным. Каждая тридцатая високосная ночь длится вдвое с половиной местных суток из за парада лун. За год происходит два таких парада. Год по времени составляет чуть более трехсот земных дней. Но здесь живут полугодиями – от одной тридцатой високосной ночи до другой. Покидая пещеры, я подарил Иоганну свои часы вместе с фонариком и швейцарским ножом, которые Иван постоянно называл бесполезными игрушками. Император белых пупсов так обрадовался, что вдобавок к обещанному, одному из пятнадцати помповых ружей, самому старому, дал мне в дорогу 15 патронов, напомнив, что от их количества зависит моя жизнь. Просить больше патронов не было смысла. Король навозников и троглодитов и так считал, что слишком много для меня сделал. Покидать его пещеры было опасно, но оставаться дольше – невозможно, Ивану я надоел. Машина была разобрана. Уже раз сто я пересказал «соотечественнику» историю России от войны с Наполеоном до развала Советского Союза. В азартные игры играть отказывался, тем более что Иоганн предлагал поставить на кон мои оставшиеся вещи и даже свободу. А еще я начал побеждать Ивана в тренировочных фехтовальных поединках, несмотря на его превосходство в росте. Мои занятия пятиборьем в школе и увлечение историческим фехтованием в институте оказались здесь весьма кстати. Также Иван ревновал ко мне свою сфинкшу, подозревал меня в заговоре и сетовал, что я слишком много ем (хотя от одних сырых грибов меня уже мучило). Император белых пупсов был неприятным человеком – повстречайся он мне на Земле, вряд ли мы стали бы общаться так долго. А останься я в его владениях еще немного, неизвестно, чем бы это кончилось.

Безопасный выход находился далеко от основных галерей и залов подземелья, и пробираться к нему пришлось ползком по узкому зловонному коридору. Сам Иван провожать гостя не стал. Но зато, к моему негодованию, собрались почти все пупсы и навозники. Неугомонная эта толпа забила и без того низкий и узкий проход. Надышала жарче, чем в сауне, прыгала через меня и подбадривала истошными воплями всякий раз, когда я останавливался отдохнуть, плелась следом, копошилась на пути. С какой же радостью я наконец покинул туннель, ползком, по-пластунски, буквально вылетев на свежий воздух.

Было светло, на небе горели аж две луны, да и солнце еще не село. Чтобы не привлекать внимания своим светящимся от слизи костюмом, мне пришлось вывалиться в пыли. Измазанная слизью и навозной крошкой одежда от дорожной пыли только очистилась. Взяв в руки оружие, я двинулся в неведомый путь. За всю ночь мне, к счастью, никто не встретился. Зато периодически доносившиеся из чащи колючих кустарников вдоль дороги хрюканье, рычанье и тяжелые шаги заставляли меня каждый раз вздрагивать и крепче сжимать ружье. Всю ночь я провел на ногах, а утром, встретив того, кто проложил эту дорогу, еле успел скрыться в зарослях.

Сметая на своем пути все, поднимая облака пыли, навстречу мне двигалось огромное стадо броненосцев, с носорога величиной.

«Что же могло испугать такую громадную силу?» – подумал я, когда оно пронеслось мимо, и вдруг увидел шестилапного монстра, похожего внешне на американского ядозубого ящера, но размером не меньше пассажирского корабля. Огромными скачками сотрясая пустыню, монстр догонял стадо. Не дожидаясь, что будет дальше, я бросился бежать. Какой ненужной вещицей казалось мое оружие в мире, где существуют такие звери! Я бежал и бежал, не обращая внимания на боль от ран, нанесенных колючками, не чувствуя усталости. И остановился лишь с наступлением вечера. Пустыня осталась позади. Я стоял на вершине невысокого скалистого отрога, за которым тянулись джунгли. Ирийское солнце садилось за далекие снежные горы, оставляя меня и весь мир вокруг стремительно надвигающемуся сумраку.

«Надо успокоиться и найти безопасное место», – подало голос мое благоразумие. – Провести еще одну ночь без сна и крыши над головой сил бы уже не хватило. Восстановив дыхание, я попытался спуститься вниз, но вскоре пожалел об этом. Из джунглей навстречу мне двигалась целая стая монстров. Твари были двуногими, но выше людей. Их глаза горели зеленым огнем, а гладкая кожа отливала фосфором в лунном свете. Я бросился назад, но твари двигались быстрее и вскоре стали настигать меня. Оставалось одно – отстреливаться. Я прицелился и нажал на спусковой крючок, когда первое чудовище было уже в десяти шагах. Молча, словно подкошенный, монстр упал, но это не остановило других. Они упорно бежали на меня, едва успевающего выбирать цели, стрелять и передергивать затвор. Сверху слышалось громоподобное хлопанье исполинских крыльев. Несколько огромных летучих мышей вылетели из-за горы и принялись кружить надо мной, с каждым кругом спускаясь все ниже. Их жуткие морды, походили на черепа с огромными клыками и горящими адской злобой глазами. Выстрелив в одну из них, я спрятался в случайно подвернувшейся пещере. Но опасность подстерегала меня и там, четырьмя парами красных глаз карауля во тьме. Грянул выстрел. Глаза отбросило вглубь пещеры. В каком-то иступлении я палил еще и еще. Вспышки осветили что-то круглое, мохнатое, кувыркающееся. В пещеру протиснулась омерзительная голова «летучей смерти», но, получив заряд картечи в лоб в упор обмякла, медленно угасая свечением глаз. Оба монстра были мертвы. Усталый, напуганный, оглушенный пальбой в замкнутом пространстве, я опустил на дно пещеры. Пока вход заткнут крылатой тварью, можно считать себя в безопасности. Перезаряжая ружье, я вспомнил напутствие короля белых пупсов и усмехнулся: недолго мне жить, по-видимому – осталось всего шесть патронов.

Яркий свет струился в открытый вход. И когда ж это я заснул? Слава Богу, остался жив! В глубине пещеры происходила какая-то возня: пара ящеров размером с дога дожирала красного мохнатого паука. Еще с десятков возились над двумя летающими и четырьмя двуногими монстрами. Так как ко мне ящеры не проявили никакого интереса, я осмотрел пещеру, которая оказалась совсем не большой. В ее конце громоздилась огромная куча разных тряпок, мусора, костей, среди которых, к моей великой радости, валялись парабеллум с патронами и сабля русского офицера Первой мировой войны. Так везет только раз в жизни. Но в этот день мне повезло дважды – спустившись с горы, я нашел свой рюкзак. Прямо над дорогой, зацепившись ляжкой за корявый сук, он одиноко висел на дереве, будто дожидаясь владельца. Топор обнаружился здесь же, глубоко застрявший в обглоданном черепе какой-то твари лежащем в замшелых корнях. Все вещи в рюкзаке, оказались целы и на месте:

шерстяное одеяло, запасная одежда и белье, нож, спички, средства гигиены, медикаменты и земные продукты.

«Теперь можно жить!» – я воспрянул духом. А вспомнив Иоганна, порадовался вдвойне. Попади вещмешок к нему, добрый король объявил бы все мои пожитки ненужными и вынудил бы их отдать. Может, для этого оставил бы меня еще на какое-то время. Ел бы сейчас мои продукты, глядя, как я давлюсь его «поганками».

Дальше путь лежал через джунгли. Хотя их и джунглями назвать было нельзя. Так, лесочек. Это ночью он казался непроходимой чащей. Но вокруг росли самые настоящие деревья. После пустыни это радовало глаз. Среди стволов то тут, то там торчали скалы. Солнце только вставало, озаряя вдали заснеженные вершины гор. Деревья цвели прекрасными цветами, совсем как у земных орхидей. Маленькие зеленые птеродактили пели в листве. Услышав шум ручья, я направился к нему. Следовало пополнить запас воды и давно уже вымыться. Вдруг до меня донесся стук копыт. Я замер и через минуту увидел создание, удивительней которого мне не приходилось встречать до сих пор, даже в этом чужом мире. У существа были стройные ноги, как у лошади арабской или чистокровной верховой породы, широкая мощная грудная клетка, красивая спина, и в целом оно напоминало лошадь. Но там, где у лошади должна быть шея, начиналось человеческое туловище. Существо было женского пола. Ее человеческая часть не уступала в красоте лошадиной: тонкая талия, высокая грудь, словно выточенная из мрамора, густые слегка вьющиеся волосы спадали на великолепные плечи. Ее «мраморный» торс настолько сочетался с белоснежным конским телом, что трудно было заметить, где кончается девушка и начинается лошадь. Красавица подошла к ручью, низко склонилась над ним и, осторожно набирая воду пригоршнями, принялась пить. Напившись, она умылась и стала расчесывать свои роскошные волосы. Было просто невозможно оторвать взгляд. Вдруг кентавресса вскочила и, оглянувшись на меня, в один прыжок перенеслась через ручей. Топот копыт смолк в чаще на другом берегу. Вода в ручье оказалась прохладной и необыкновенно вкусной. Утолив жажду и наполнив все пустые емкости, я постирал в ручье грязную одежду и развесил сушиться на кустах. Потом вымылся сам и надел чистую рубашку и брюки. Купаться было, несомненно, очень опасно. В воду я зашел не глубже щиколоток и не расставался с пистолетом все время, пока мылся. Пообедав, отдохнув, сложив в рюкзак подсохшие вещи я отправился вниз по течению ручья, и он вывел меня к неширокой реке с каменистым дном. Растительность на берегах была скудная: редкие высокие деревья, похожие на сосны, но с голыми, как у эвкалиптов, стволами. На закате я сделал привал. Разжег костер и первый раз на чужой планете решил сварить себе горячую пищу. В рюкзаке был пакет гречневой крупы. А щедрый Иоганн дал на прощание своему гостю в дорогу маленький короб с грибами. Вместо кастрюли пригодилась старая немецкая каска, найденная в пещере паука. Аромат грибного супа приятно щекотал ноздри, и я уже предвкушал вкусный ужин, как вдруг услышал отчаянный крик. Схватив ружье я бросился в сторону звука. За невысокой скалой стояла знакомая белая кентавресса. В ужасе она забилась в угол, с трех сторон образованный скалами и валунами. С четвертой стороны изготовился к прыжку дикий зверь.

Ничего умнее мне не пришло в голову, чем крикнуть, причем на родном языке: «Стой, стрелять буду!»

Стрелять я не собирался. В армии, слава Богу, стрелял только по мишеням. Охотой не увлекался никогда, даже отказался от мясной пищи по гуманным соображениям. И хотя вчера я пристрелил несколько живых существ, все они были уродливы, опасны и хотели меня убить. Зверь же, намеревавшийся напасть на кентав-

риссу, был похож на подругу Ивана, разве что крупнее. И хотя король навозников и троглодитов предупреждал, что сфинксы очень опасны, но мне хотелось лишь напугать хищницу. Фурия развернулась и атаковала меня так быстро, что я даже не успел ничего подумать. Рука сама нажала на спусковой крючок, когда пантера почти достигла цели. Выстрел отбросил хищницу назад. Издав предсмертный вопль, зверь рухнул на камни, а кентаврисса, бросив на меня короткий взгляд, исчезла в зарослях. Я осмотрел убитого врага. Такая же тварь жила у короля белых пупсов, только у этой когти и зубы в полном порядке. Существо было красивым и в то же время отталкивающим. Из полукрытого, слишком большого для человека рта торчали острые длинные клыки. Еще не потухший взгляд горел нечеловеческой ненавистью. Но больше всего меня поразили когти. Просто огромные, они были на всех пальцах, кроме больших пальцев передних лап. Но их отсутствие с лихвой компенсировалось двумя кривыми кинжалами на задних лапах. Пуля попала сфинксше в грудь, убив почти мгновенно. И хотя мне было жаль хищницу, я понимал, что лишь случайно избежал смерти.

За время моего отсутствия суп успел превратиться в кашу и подгореть. Я выругался, поел немного и улегся спать. Я так устал за время пути, что не принял никаких мер предосторожности, и лишь пистолет не выпускал из руки.

Глава 3. Необычная и опасные

Легкое прикосновение к плечу прервало мой сон. Я резко открыл глаза и поднял оружие. Два огромных голубых глаза, полные испуга, глядели на меня.

– Не убивайте меня, пожалуйста! – воскликнула кентаврисса. Она стояла в метре от меня, опустившись на колени. Казалось, что это прекрасная девушка, обнаженная по пояс, склонилась передо мной.

Вблизи ее лицо показалось мне самым красивым из всех когда-либо увиденных: яркие пухлые губы, большие сияющие глаза, аккуратный, слегка вздернутый носик. А сногшибательно роскошная грудь просто привела меня в смущение.

– Я?.. Я и не собираюсь вас убивать! – дуло парабеллума опустилось вниз вместе с моим взглядом. Мы молчали несколько секунд, поглядывая друг на друга украдкой. Мне показалось, что кентаврисса искоса посматривает на каску с кашей.

– Вы голодны? – спросил я гостью.

Гостья кивнула.

– Мне больше двух периодов черных суток непрерывно приходится убегать от хищников. Я уже два дня ничего не ела. А ближайšie фруктовые деревья далеко отсюда, мне не успеть до длинной ночи. Вы не могли бы дать мне немного вашей пищи? Она так вкусно пахнет.

Вид у красавицы был и правда несчастный и усталый. Я протянул гостье свою «кастрюлю».

– Кушайте, пожалуйста, сколько хотите.

Ела кентаврисса медленно, украдкой посматривая на меня. Она ела и молчала, я разглядывал ее и тоже молчал. Скоро каска опустела.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Оли, – она, казалось, была удивлена.

Неожиданно удивление на прекрасном лице сменилось ужасом. Оли вскочила и с диким криком бросилась прочь. Я обернулся и увидел трех тварей, выходящих из реки. Чудовища были похожи на людей и ящеров одновременно. Скользкие, зеленые, покрытые чешуей и с ужасными пастями. Ко всему прочему они были вооружены. Двое несли длинные копьа, а третий секиру, как будто сделанную из стекла. Помня советы Иоганна и свои вчерашние злоключения, я поднял ружье, прицелился и нажал на курок. Одно из чудовищ, самое ближнее ко мне, выронило копье и упало, схватившись за живот. Вторым выстрелом, очень удачным, я свалил монстра рядом. Пуля угодила ему в голову и снесла полчерепа. Монстр еще не вышел на берег. Течение подхватило его и понесло прочь. Третья тварь подняла секиру. Раздался выстрел, но это не остановило врага. Огромный топор просвистел над моей головой и попал в дерево, срубив его, как соломинку. Чудовище покачнулось, посмотрело на свой живот, где появилась рваная рана, после чего собрав остаток сил и бросилось на меня. Я снова выстрелил и снова удачно, но враг все же смог добежать до цели. Чудовище сбило меня с ног, но было уже мертво. Сбросив с себя мертвого монстра, я поднялся. Прямо на меня неслись два кентавра. Они были ниже Оли. Их конская половина – скорее от лошади Пржевальского. Уши не как у людей, а большие и заостренные, в широких ртах виднелись клыки. Оба кентавра были вооружены копьями и мечами. Я прицелился в первого и выстрелил. Кентавр рухнул на скаку. Его кровь залила камни вокруг и обрызгала собрата. Вероятно, сердце этих существ находилось в человеческой груди. Второй кентавр остановился в нерешительности. Он метнул копье и отбежал на несколько шагов назад. Копье было брошено изда-

лека, и мне хватило времени отскочить в сторону. Но в дробовике не осталось ни одного патрона. Вдали показались еще два кентавра, гнавшихся за Оли. Бросив бесполезное ружье я вытащил пистолет. В этот миг противник поднял палаш и с боевым кличем стремительно ринулся в атаку. Как назло пистолет заклинило. Потом я разобрался, что просто не снял оружие с предохранителя – на Земле ведь мне случалось видеть парабеллумы только в кино да на картинках, но тогда времени на раздумья у меня уже не было. Как вихрь, налетевший враг едва не сбил меня грудью. В последний момент мне удалось отпрыгнуть в сторону и каким-то чудом увернуться от просвистевшего в миллиметре над головой смертоносного клинка. Обдав меня жаром зловонного тела, кентавр пролетел мимо.

«Не возился бы так долго с пистолетом, успел бы полоснуть его по боку или крупу», – мелькнуло в голове, когда я вытаскивал саблю.

Проскакав по инерции метров пятнадцать, кентавр остановился и развернулся. Увидев саблю в моей руке, он, видимо, подумал о том же, что и я. Его следующая атака была уже более осторожной, но от этого не менее страшной. Меч моего противника был тяжелее и длиннее офицерской сабли, а сам кентавр намного быстрее и сильнее меня: Поднимаясь на дыбы, он вкладывал в удар весь свой огромный вес. Но я оказался изворотливее и всякий раз уходил от ударов сверху. Несколько раз я пытался подсесть его передние ноги, но безрезультатно. Поединок затянулся минут на двадцать. Руки уже переставали слушаться меня, когда сабля под ударом палаша разлетелась пополам. С радостным криком, предвкушая скорую победу, кентавр поднялся на дыбы, готовясь нанести последний удар. Если бы я продолжал оборону, погиб бы неминуемо. Но, подталкиваемый неведомой силой, я с еще более диким криком метнулся к противнику и, вложив в удар всю силу и вес, вонзил обрубок в его живот обеими руками. Кентавр не устоял и рухнул на спину. Он пронзительно кричал и старался сбросить меня. Двое его товарищей спешили на помощь. Один был вооружен лишь коротким широким мечом, а второй еще и копьём. Я вскочил. Мой обрубок был около полуметра длиной, прямой и острый, и я собрался отбиваться им, даже не думая о нелепости своего решения и безнадёжности положения, что меня и спасло. Шанс был один из ста, и он выпал мне. Копье отлетело в сторону, отбитое моим оружием, как теннисной ракеткой. В следующую секунду, швырнув с отчаянья, обрубок сабли в метавшего, я увидел, как противник падает на колени, схватившись за рукоятку, торчащую из середины его груди. Второй кентавр был совсем близко. Я нырнул под его руку с занесенным мечом и, пока мой враг поворачивался, успел подобрать копьё. Развернувшись, противник практически сам налетел на острие пики. Он рухнул, чуть не придавив меня, отброшенного на землю столкновением. Главарь поднялся с палашом в руке. Но в этот раз мне удалось подсесть ноги кентавра мечом его же соплеменника. Враг упал. Еще удар – и голова его покатилась по камням.

Неужели все?.. Битва продолжалась около часа, но мне показалось, что прошло не больше пяти минут. Я стоял над телом кентавра, удивленный и жутко уставший. Подошла Оли. Она опустилась на колени и разрыдалась, уткнувшись в мое плечо и обняв руками.

– Не плачь, малышка, все уже позади. – я пытался утешить кентавриссу, глядя ее по волосам, но она не успокаивалась. Горячие слезы, непрерывно текшие из ее глаз, промочили мою рубашку. – Что же за горе, что она так рыдает? – Подумал я, и тут заметил кровавый след, тянувшийся за Оли. В правом бедре кентавриссы торчало копьё.

– Успокойся, – сказал я. – стой смирно, постараюсь тебе помочь.

Копье вошло ниже седалищного бугра, на всю длину наконечника. Я попытался вытащить его, но не смог сдвинуть. Было похоже, что оно воткнулось в кость.

Оли вскрикнула.

– Потерпи! Пожалуйста!

Взявшись за древко обеими руками, я дернул изо всех сил, и чуть не упал вместе с копьем. Кентавресса застонала от боли. Кровь хлынула из раны, но не фонтаном.

«Слава Богу, бедренная артерия и вена не задеты», – подумал я прижимая к ране клочок выты пропитанный перекисью водорода. – Теперь бы наложить повязку.

Аптечка у меня была богатая. Зная, что я закончил ветеринарный техникум и учусь в медицинском институте, друзья поручили мне собрать медикаменты на всю туристическую группу, участниками которой были десять человек, столько же лошадей и две собаки. Но даже всех моих бинтов не хватило бы, чтобы наложить тугую повязку на круп кентавриссы. Я нашел выход, наложив на рану новый тампон и заклеив целым листом пластыря.

Оли стояла молча, опустив голову, терпеливо переносила оказываемые ей процедуры. Передние ноги кентавриссы тоже пострадали, хотя и не так сильно. На обеих ссадины, ушибы и растяжения. Наверное, она упала, когда копьё вонзилось в ее плоть. Окончив лечебную помощь, я опустился на землю. Оставаться здесь было нельзя. Идти дальше означало бросить Оли на верную смерть, чего мне не хотелось, ибо кентавресса казалась мне не только красивой, но и впервые из всех встреченных мной на Ирии существ совершенно не опасной. Я вспомнил о расщелине, где спас Оли от пантеры с человеческой головой, можно было укрыться там. Крупным хищникам туда не пролезть, а для мелких у меня еще найдется парабеллум.

– Ты сможешь идти? – спросил я.

Кентавресса посмотрела на меня глазами, полными боли и слез, и покачала головой. Потом закрыла лицо руками и снова заплакала.

– Как больно! Я не хочу умирать... – только и говорила она.

До ущелья было совсем недалеко. Но как ее дотащить?

– Ну, пожалуйста, попытайся встать.

Оли попыталась, но, вскрикнув, вновь рухнула на колени. В отчаянье я полез под нее и, упершись ногами, поднял кентаврессу на своих плечах. Тяжесть была ужасная, ноги подгибались и проваливались в гальку по щиколотку, спина, казалось, вот-вот треснет, но я не останавливался, пока не донес Оли до ущелья. Там я положил свою ношу и рухнул сам.

Иоганн говорил мне, что на Ирии сила тяжести несколько меньше, чем на Земле, немного другой состав атмосферы. Этим вполне объяснялось существование здесь пауков размером с человека, «летучих мышей» со слона, и «ящерицы» с синего кита. Но вряд ли можно было объяснить только что совершенный мной рекорд. Хилым парнем я отнюдь не был, спортом занимался с детства. Регулярно посещал тренажерный зал, будучи студентом, подрабатывал грузчиком на стройке, все время таская тяжести. Однако к великим атлетам, коим случалось в истории таскать на плечах лошадей или быков (соразмерных кентаврессе земных существ), я не являлся. Произошедшее скорее объяснялось состоянием аффекта, что также фиксировалось в истории, и гораздо чаще.

Только когда закат стал розоветь на горизонте, я смог заставить себя подняться, чтобы забрать рюкзак и оружие. По возможности я замел следы. А над кентаврессой соорудил нечто вроде шалаша из веток дерева, срубленного монстром на берегу. Дерево напоминало вирджинский можжевельник и так сильно пахло, что я подумал: оно отобьет наши запахи. Ночь выдалась на удивление очень длинной.

Мне показалось, что продолжалась она не менее суток. В темноте сотни невидимых существ проносились над ущельем, огромные монстры бродили совсем рядом. У кентавриссы был жар, лицо горело, губы пересохли. Она ничего не воспринимала и только твердила:

– Не убивайте меня! Пожалуйста, не надо!

«похоже, что копьё было отравленным», – думал я. – Но как мне помочь Оли? У меня были лекарства для людей и для лошадей, но вероятнее всего жительница другой планеты имела родство с теми либо с другими не более, чем люди и лошади с крокодилом. Но если кровь у нее красная и питается кентаврисса тем же, чем и житель Земли, значит, химический состав организма, скорее всего, такой же как у земных млекопитающих (то, что Оли относится к млекопитающим, сомнений не вызывало).

Я решил поставить кентавриссе капельницу. Только куда? Лошади поставил бы в шейную вену, у человека нашел бы на руке. Но у больной не лошадиная шея, а колоть в руку я побоялся, решив, что в бессознательном состоянии Оли выдернет иглу. В конце концов мне повезло, и почти в полной темноте, при свете свечи, удалось найти вену на передней ноге кентавриссы. Капельница текла быстро. Через толстую иглу в вену пациентки вливалось два литра физраствора, по двести миллилитров концентрированной глюкозы и хлористого, по десять спазмолитика, анальгина и витаминов. Оли расслабилась и заснула. Ее дыхание стало ровным. Пластырь на ране кентавриссы окрасился в красный цвет, разбух и еле держался. Но когда я его снял – понял, что кровотечение остановилось. Я положил в рану заживляющую мазь, и заклеил чистым пластырем, потом обработал и забинтовал передние ноги больной. Спать мне не хотелось. Несколько раз я выходил за водой, благо, ручей был недалеко. Я мочил полотенце и обтирал свою пациентку. Когда тело Оли перестало гореть, я укутал ее торс шерстяным одеялом. Разжигать костер я не решился.

Глава 4. Про кентавра и людей

Рассвет застал меня, уткнутым в теплый лошадиный бок, спросонья принятый за бархатное покрывало земной постели. Сама кентаврисса не спала. Полулежа она смотрела на меня синими и глубокими, как два горных озера, глазами, полными нежности и благодарности.

«Как же она прекрасна!» – подумал я. – «И какая огромная!» Вчерашние кентавры-враги, наверное в два раза меньше. Их человеческий торс начинался с талии и окаймлялся в месте соединения с конским телом лохматой рыжей гривой. Такая же грива росла у них вдоль позвоночника от холки до затылка. У Оли спина была ровная и гладкая. Торс был длиннее, он начинался не с талии, а с середины таза(хотя эта часть кентавриссы не являлась тазом и имела совсем другие функции). Это выглядело очень эффектно, ибо «таз» был широким, под стать лошадиной грудной клетке, а талия тонкая – стан кентавриссы имел форму песчаных часов. Никакой юбки из гривы у Оли не был, как и никаких волос на торсе. Бархат лошадиных плеч переходил в шелковую кожу девичьих бедер и плоского живота. А холка сливалась с мышцами, похожими на верхнюю часть ягодичных. Если и были кентавриссы у хищных, то уж точно не годились они Оли и в подковы. (Подков у нее, правда, тоже не было.) И хоть я и сожалел, что проснулся не в своей кровати на Земле, все же был рад, что смог спасти красавицу.

– Привет! – алый рот Оли расцвел белозубой улыбкой. – С добрым утром!

– Привет. – Улыбнулся в ответ я.

Я поднялся, и Оли тоже.

– Ты рисковал жизнью ради меня! И не бросил меня больную! Теперь моя жизнь и я сама принадлежат тебе. Я буду твоей служанкой, рабыней, кем захочешь. Я буду готовить тебе обед, возделывать твой сад, возить камни для твоего дома. Я жила у людей и умею все это. Если тебе захочется меня как женщину, я не буду препятствовать.

«Вот это поворот!» – подумал я. Это яд так на мозги влияет или обычаи здесь такие? Если второе, то я легко отделался. Слава Богу, Иоганну нравились кошечки, а не парни.

– Это все лишнее, но я с удовольствием приму твою дружбу.

– Я согласна, но ты можешь требовать большего. Мы уже друзья, если, спали рядом и охраняли друг друга. Только другу можно доверить свой сон.

– Дружба и есть самое ценное. Скажи лучше, как ты себя чувствуешь?

– Хорошо.

– Как твоя рана? Можно взглянуть?

– Конечно, можно! Смотри! – Оли быстро развернулась ко мне хвостом.

Рана зажила полностью. Лишь розовый участок голый кожи напоминал о ее недавнем существовании.

– Фантастика! Неужели такое возможно?..

– Что возможно? – спросила Оли, повернув ко мне лицо.

– Такое быстрое исцеление.

– Наверное, ты очень хороший лекарь.

«Скорее всего, дело не во враче, а в организме больной или целебных свойствах местного климата», – подумал я и спросил у своей пациентки, сможет ли она ходить.

– Не знаю.

Кентаврисса размяла ноги и спину, потягиваясь с хрустом.

– Ноги не болят, – констатировала она. Оли сделала несколько шагов, прошлась взад и вперед. Потом резко пустилась в галоп, описала два широких круга и легкой красивой рысью повернула ко мне. Как замороженный я смотрел на нее. Волосы развевались, сверкая на солнце, роскошная грудь упруго покачивалась в такт шагов. Сияя белоснежной улыбкой, красавица остановилась передо мной.

– Ходить смогу! – откинув с лица пряди волос, Оли весело засмеялась. Встретившись взглядом со мной, кентаврисса слегка смутилась.

– Что-то не так? Ты так смотришь... – сказала она с улыбкой.

– Ничего. Никогда не видел раньше кентавров. Никак не привыкну.

– Я тоже никогда раньше не видела таких красивых людей, – ответила Оли.

Я поспешил перевести разговор в другое русло.

– У тебя точно все хорошо? Может, есть какие-нибудь неприятные ощущения при ходьбе, или голова кружится?

– Отлично себя чувствую, словно ранена и не была. И в голове порядок. Вот только есть очень хочется, – призналась Оли.

– Это хорошо, – улыбнулся я. – У нас говорят: аппетит – признак выздоровления. Сейчас разведу костер...

– Может, не надо костер?, – взволновалась кентаврисса. – Троглодитские грибы, можно есть в сыром виде.

– Пусть их троглодиты едят в сыром виде! У меня сырые грибы уже поперек горла стали!

– Понимаю, – кивнула Оли. – Они не очень вкусные. Но это место небезопасно. Дым наверняка привлечет врагов. Нам придется убежать, так и не позавтракав. И неизвестно, получится ли поесть потом.

– У меня есть еще гречка! – я вспомнил, что ночью залил крупу в пакете водой. – Ее тоже можно есть в сыром виде!

Пересышав разбухшую кашу и остатки грибов в свою «кастрюлю», я воткнул шлем пикой в землю. Ложки и галеты положил рядом на камень.

– Прошу к столу.

Оли легла поджав под себя ноги. Даже полулежа она возвышалась надо мной, сидящим на земле. Наклоняясь над каской, Оли едва не касалась меня то своими прелестями, то волосами, которые то и дело поправляла. Ела кентаврисса медленно, очень аккуратно. Хотя было видно, что ложку держит в руке первый раз, ни крупинки каши, ни гриба она не уронила.

Съев немного каши и пару галет, я отложил ложку. Оли вопросительно взглянула на меня.

– Доедай все, я уже наелся.

– Так мало?

– Я меньше тебя раз в пять, мне и пищи нужно меньше.

– Я не виновата, что такая большая. – Оли надула губки. – Мой вид вообще – самые крупные кентавры на Ирии. Нас другие за это ненавидят или просто насмеются, уродами считают.

– Ну что ты! Я считаю тебя очень красивой. И мне нравится, что ты такая высокая.

– Правда? Спасибо! Я еще подрасту! – Обрадовалась собеседница, потом смутившись спросила. – Очень тяжело было меня нести? Не всяким человек может поднять кентавра. Ты, наверно великий атлет среди людей?

– Да нет. – Пожал плечами я. – Сам не знаю, как это получилось. Просто было очень жаль тебя.

– Спасибо, что не бросил меня! – Исполненная чувств кентаврисса накрыла своей ладонью мою. – Я даже не помню, когда меня кто-то жалел.

– Кушай кашу, будет еще десерт. – Ответил я подвигая собеседнице каску.

– Что такое десерт?

– Сладкое.

– Фрукты или мед? Я люблю сладкое. Ты не подумай, что я обжора. Мы немного едим. Хищные кентавры нас вдвое меньше, а едят втрое больше. Мы просто нашу пищу усваиваем лучше, чем они свою. Хищники только и делают, что жрут и гадят, жрут и гадят! Ой! Извини. Болтаю за столом всякие гадости, глупости. – Я еще и дура!

– Не переживай, ничего страшного. Мне приятно, что есть с кем поговорить.

– Мне тоже очень приятно. Я вообще очень давно ни с кем не разговаривала.

Оли почти доела кашу. Я разлил по чашкам теплый компот из термоса, поломал на куски плитку шоколада и вскрыл банку сгущенки.

Брови кентавриссы удивленно поднялись.

– Зачем ты портишь железный сосуд?

– По-другому его не открыть.

– Это, наверное, что-то очень ценное, раз его так хранят? На Ирии из железа делают лишь дорогое оружие.

– Это сгущенка.

– Сгущенка? Что такое сгущенка?

– Лакомство. Сладкое молоко.

– Молоко? В железной крынке?.. Ты король в своей стране!

– Нет, – мне стало смешно. – У нас это может позволить себе любой бедняк.

– А у нас лишь некоторые богачи. Какая женщина захочет отдавать свое молоко кому-либо, кроме своих детей?

– Ну, в моем мире для производства молока держат специальных домашних животных.

– Ага. – помрачнев Оли взглянула на свою грудь. – Меня чуть не сделали таким животным. Уроды! Потом решили не ждать, пока вырасту, и вообще убить!

– Извини. Я не хотел тебя расстраивать. Если нельзя сгущенку, попробуй шоколад, его из фруктов делают.

Кентаврисса взяла кусочек плитки, положила в рот и застыла с изумленным выражением лица.

– Ну как? – мне было интересно, является ли Оли сладкоежкой, как земные девушки.

– Восхитительно! – воскликнула Оли. – Никогда ничего подобного не ела! И это тоже может позволить себе каждый?

– Да.

– Возьми меня в свою страну!

– Я не из другой страны, я с другой планеты.

– А... – лицо красавицы вновь стало грустным. – Мне говорили, что все люди с другой планеты. Кажется, она называется Гея или Земля.

– Ты знаешь, как туда попасть?

– Нет.

– Жаль. Ну, ешь шоколад. Что-то ты совсем загрустила.

– А можно я попробую молока?

– Конечно! – Я протянул кентавриссе банку.

Стущенка вызвала почти такой же восторг, как и шоколад. Я отдал Оли всю банку и почти всю плитку. Запив десерт компотом, мы двинулись в путь.

Дорога с каждым часом становилась все круче, мы поднимались в горы, беседа на ходу.

– К сожалению, мне некуда идти. Я недавно попал сюда. Ты говорила, что жила у людей. Ты могла бы отвести меня к ним?

– Я бы могла, но мне не хочется возвращаться к людям. И я думаю, что тебе они тоже не понравятся. Эти люди отличаются от тебя. Они плохие.

Редкие деревца сменились довольно густым лесом, в основном состоящим из тех же соснообразных эвкалиптов и можжевельника высотой с добрый тополь. Колючие кустарники почти пропали. Оли отлучилась на несколько минут и вернулась с какими-то круглыми, мясистыми, оранжевыми плодами. Она несла их, прижимая к груди обеими руками, словно натурщица в образе солнечного и щедрого лета.

– Все-таки хорошо иметь проводника из местных, – подумал я. – Хоть буду знать, что можно есть.

Фрукты оказались сочными и вкусными. Проследовав вместе с Оли, к плодovому дереву, мы наполнили ими мой сильно полегчавший за последние сутки рюкзак.

– Давай я понесу твой мешок, – предложила кентаврисса.

– Спасибо, он не тяжелый. – Мне было неловко грузить рюкзак на такую хоть и здоровую, и вообще лошадь наполовину, но сногшибательную красотку.

Мы прошли еще довольно много, когда Оли спросила с легкой обидой.

– Может, ты не доверяешь мне? Если так, можешь связать мне руки, а мешок придерживать за ляжку.

– Еще чего! – Возмутился я. – У нас на Земле неприлично, чтобы девушки таскали тяжести, а мужчины прогуливались налегке!

– У людей? Неприлично? На Земле?.. Никогда бы не подумала! – изумлялась кентаврисса. – Ой! Спасибо! Так приятно, что ты обо мне заботишься! Но, с другой стороны, я ведь не с Земли, не человек, и мешок для меня вовсе не тяжесть! Мне хоть десять таких мешков на спину взвалить – не тяжело будет! Могу и тебя повезти если захочешь.

Вдруг Оли остановилась.

– Впереди люди, – сказала она, насторожившись.

Дальше мы двинулись осторожнее, и вскоре услышали громкий визг и вопли.

На лужайке посреди леса находилось грязное болото. В нем от полуденного зноя спасалось с два десятка существ, своим видом и поведением напоминавших свиней, но с рогами, как у баранов. Среди этих свиней и грязи двое дюжих парней, совершенно голых, пытались то ли побороть друг друга, то ли поймать. Третий, маленький, сидел на берегу и радостно кричал, подбадривая их. Он так был увлечен, что не заметил нашего приближения.

– Здравствуйте... – Речь застряла у меня в горле, когда паренек повернул ко мне свое лицо. Низкий лоб с массивным надбровным валиком, мощная челюсть и довольно крупные клыки во рту заставили меня усомниться в том, что передо мной гомо сапиенс. Еще секунда – и малыш с диким воплем прыгнул в зловонную жижу. Приземлившись рядом с борющимися, он погрузился в грязюку по уши. Верзилы прекратили свою возню и уставились на нас.

– Травоядная, – пробасил один из них, ткнув грязным пальцем в сторону Оли. – Он украл нашу кобылу!

– Накажем вора и вернем скотину себе! – рявкнул второй.

– Из-з-н-насилуем обоих! – вопил самый маленький.

Я не успел ничего возразить, когда один из парней подбежал ко мне со зверским выражением лица. Совершенно машинально моя нога поднялась и припечатала громилу в пах. Второй вцепился в мою одежду. Я ударил его по рукам, после чего мощным апперкотом в челюсть отправил обратно в болото. Но третий, маленький, оказался гораздо ловчее и, как ни странно, был очень силен. Напав сзади, он сдавил мое горло и повалил меня на землю лицом вниз. Я пытался вырваться, но вдруг мой противник завизжал, как потерпевший, и, отпустив меня, бросился обратно в грязь. Когда я встал, он был уже на том берегу. Громко воя, он вытирал ладонью и слизывал кровь с ягодицы. Это Оли, подойдя сзади, уколола драчуна копьём. Стадо свиней, вспугнутое воплями в задницу раненого дикаря, подняло в луже настоящий шторм и скрылось в зарослях. Двое громил тоже поспешили ретироваться. Теперь все трое стояли на другом берегу и поливали нас омерзительными ругательствами.

– И это люди?!

Из кустов появилось весьма тщедушное существо, неравномерно покрытое редковатой серо-бурой шерстью, с длинными обвисшими грудями и огромным животом. Оно как будто сошло с картинки в учебнике по антропологии. Питекантропша была маленького роста, еще меньше проворного свинопаса. Она сгибалась под тяжестью огромной кипы хвороста. Увидав ее, малыш кинулся жаловаться.

– Мама! Мама! Больно! – кричал он, демонстрируя окровавленный зад.

Женщина бросила свою ношу и угрожающе засвистела, размахивая руками. Жесты значили одно – убирайтесь вон. Парни присоединились к ней.

– Пошли вон!, убирайтесь! Кыш отсюда! – кричали они.

«Вот и вступил в контакт», – подумал я.

Нам оставалось убраться подобра-поздорову. Впрочем, мне что-то расхотелось идти к этим людям. А Оли даже не скрывала радости. И еще она была под впечатлением от своей смелости.

– Ловко я уколола этого паршивца! Никогда не думала, что смогу так сделать!

– У них все женщины – питекантропы? – спросил я.

– Пяти... кто?

– Ну, страшные такие, волосатые?

– Гибриды посимпатичней. Почти без шерсти.

– А нормальные есть? Как я или те двое громил?

– А разве такие бывают?

– Ясно. Значит, мужчины здесь спариваются с питекантропами?

– Нет. В основном с мужчинами. Женщин очень мало. Они считаются низшими существами. Спариваться с ними грех. Это неприятная обязанность всех вновь прибывших мужчин. Так называемая дань младшего брата.

– А есть какая-нибудь приятная обязанность?

– Есть. Когда новый мужчина приходит в деревню, все племя должно его познать на главной площади.

– Фу, какая гадость! Почему ты мне сразу не сказала! У меня бы и мысли не возникло идти в эту гнусную деревушку!

– Я говорила, что эти люди плохие.

– Да, но настолько плохие!..

– Не обижайся, пожалуйста. Я не видела раньше других людей. А так как ты два раза спас меня, я должна выполнять все твои желания.

– Перестань говорить глупости. Ты мне ничем не обязана. Мы ведь друзья. Просто надо было объяснить, почему тебе не хочется возвращаться к людям.

– Хорошо, я расскажу.

Оли попала к людям еще подростком. Она отбилась от своего племени и не знала, остался ли кто из него в живых. Люди поймали ее сетью у ручья. Жила она у них в хлеву вместе с мордюшами (овцегогими свиньями). С утра до ночи кентаврисса делала очень тяжелую работу. Люди били ее каждый день. Мужчины иногда приставали к ней, а женщины и дети кидали в нее камнями. Однажды Оли узнала, что люди хотят подарить ее хищным кентаврам. Она развязала веревку, которой ее привязывали на ночь, выломала дверь сарая и сбежала. Уже два года она жила на свободе. Что касается людей, то поселились они здесь еще, по-видимому, до нашей эры. Деревня называлась «Содоморой». Надежно защищенная скалами и ущельями, она находилась весьма высоко в горах, что делало селение недоступным для крупных хищников. Давным-давно в ней жили только существа, подобные женщине, встреченной нами в лесу. Люди вторглись в их владения, уничтожили мужчин и поработили женщин. Нынешние жители Содоморы – содомиты или содоморцы – в основном их потомки. Мужчин гораздо больше, чем женщин. Это потому, что от современного мужчины и полукровной женщины рождаются только мальчики. В деревне процветает гомосексуализм. Оли это было на руку. Когда кто-нибудь домогался ее, кентаврисса поднимала крик. Прибегали ревнивые соплеменники и начинали разборки.

– Серьезно попортить они меня все равно бы не смогли, но так приятно, когда эти сволочи грызутся между собой, – говорила она.

Провинившегося могли сурово наказать, вплоть до низвержения в младшие братия и даже изгнания. Однако бить кентавриссу не запрещалось даже женщинам. Последние же ее особенно не любили и всегда пытались изуродовать или хотя бы испачкать.

– Содомиты могут послать за нами хищных кентавров, – сказала Оли.

– Пусть только сунутся.

– Нам лучше запутать следы.

Умывшись в небольшой горной речке, мы поднялись по воде около километра, а потом еще долго петляли по лесу.

– Ну вот, теперь нас не найдут, – Оли вздохнула с облегчением.

Я задумался: наверное, глупо спрашивать мою спутницу об огнестрельном оружии, да и пистолет всего один. Но, может, она умеет пользоваться копьями или мечом?

– Оли, ты когда-нибудь применяла оружие? – спросил я.

Кентаврисса отрицательно покачала головой.

– У моего народа не было оружия, – сказала она, – лишь только у верховного жреца был жезл с каменным набалдашником. А люди мне оружия не давали.

– Ну что ж, придется тебя обучать.

– А у меня получится?

– Конечно.

– Я боюсь.

– Не надо бояться. Вот тебе копьё.

– Не это ли копьё торчало во мне?

– Не это. Этим ты уже пользовалась, – ранила в зад того мелкого гаденьша.

– Да прямо! Ранила я его! Оцарапала чуть-чуть. А он и разорался как новорожденный. Мамочке жаловаться побежал! Как меня эти «люди» колотили, ему и в кошмарном сне не снилось – места живого не было! Кстати этот мелкий из содомитов самый злой. Все время меня чем-нибудь острым тыкал и смеялся. Так ему и надо

теперь! Будет знать, что такое копьё в заднице! Глядишь, поумнеет и перестанет других обижать!

– О да! – засмеялся я. – Копьё в заднице – замечательный метод воспитания доброты и справедливости, как и стимул к развитию ума!

– Я не была до вчерашнего дня злой и глупой! – обиделась Оли. – Хватит с меня такого стимула к развитию. У нас вообще говорят, что слишком умную кентавриссу никто замуж не возьмет, а у слишком доброй муж будет с рогами!

– Про земных девушек тоже так шутят.

– Когда такое верховный жрец произносит, совсем не смешно! А разве бывают рогатые люди? Никогда не видела!

Я подумал, что люди бывают как рогатыми, так и козлами, но только лишь в переносном смысле. Чего, наверное, не скажешь о кентаврах, мало ли какие виды этих сказочных существ могут обитать в этом странном мире. Впрочем, обсуждать с Оли особенности анатомии и фольклора обитателей Земли и Ирия не было ни времени, ни желания, мы и так далеко отклонились от нужной темы.

– Оли, ты в меру умная, достаточно добрая, и очень красивая, – сказал я спутнице. – Уж у кого точно не будет проблем с замужеством, так это у тебя. А метод воспитания копьём подходит только для содоморцев и других злобных дураков, которым незачем замуж, просто они этого еще не понимают из-за недостатка ума. И чтобы быть готовой всегда преподать им урок, нужно уметь пользоваться оружием. Смотри. Вот это большое дерево – это... как называются те твари, что напали на нас из реки?

– Урпы. – надутые губы кентавриссы расплылись в счастливой улыбке. Оли взяла копьё, как будто это букет. – Спасибо, я буду очень стараться!

– Вот. Это дерево – урп. Его надо пронзить.

– Дерево не урп.

– Ну, мы представим, что это урп.

– Мы представим, а дереву будет больно.

– Ну, хорошо. Что ты можешь представить урпом?

– Вон тот корявый пенёк. Он мертвый, ему все равно.

– Ладно. Сначала несколько раз ткни его острием. Вот так. Сильно не надо. Молодец, уже лучше. Локоть выше. Старайся попасть в эту отметину на коре. Это его глаз. Не спеши. Сильно не бей, только обозначь удар. Кентаврисса улыбалась. Обучение казалось ей забавной игрой.

– Теперь отойди на несколько шагов назад и метни копьё. Вот на столько достаточно. Ну!

– Ура! – Оли запрыгала на месте, хлопая в ладоши от радости. – Я попала! Я попала! – кричала она.

Я почесал затылок: Вот так постаралась! Попала Оли хорошо – прямо в «глаз урпа». Только копьё теперь, наверное, придется выкинуть.

– Ты недоволен? Я плохо кинула? – улыбка медленно сползла с лица кентавриссы.

– Вообще нет. Ты метаетшь замечательно. Вот только... – Я задумался. – Копьё насквозь пронзило огромный пенёк, выйдя с противоположной стороны. Настоящий урп лишился бы не только глаза, но, очевидно, и башки! Какая сила у моей новой знакомой! Хотя при ее росте – около метра восьмидесяти только в холке, а до макушки, наверное, выше трех – чего еще можно ожидать? Пожалуй, можно дать согласие на ее просьбу – нести мой рюкзак.

– Ну, на сегодня урок окончен. Завтра продолжим, – сказал я, отрубив наконец-ник копья. Древко осталось торчать в пробитом пне.

В дупле огромного дерева мы расположились на ночлег. Из веток, коры, навоза падальщиков и мха Оли соорудила дверь так мастерски, что дупла не было заметно снаружи даже вблизи. Солнце уже садилось, и в лесу было почти темно. Кентаврисса улеглась на куче сухих листьев, сложив под себя ноги. В дупле она помещалась с трудом. Я тоже лег, прислонившись к противоположной стене.

– Послушай, Оли, – спросил я, – а ты не знаешь такого места, где нет ни хищников, ни людей-извращенцев? Или ты знаешь кого-нибудь кто поможет мне попасть домой?

– Кто сможет отправить тебя домой, мне точно не ведомо. Но в детстве мама говорила мне, что за горами находится страна, где нет хищников. Там всегда тепло и полно фруктовых деревьев.

– И ты не пыталась туда попасть? Может быть, там твои родители?

– У меня только мама, сестры и маленький брат, если они живы, конечно. Я пыталась, но в горах очень холодно. Я всегда возвращалась обратно.

– Это далеко отсюда?

– Да нет. В общем–то, рядом.

– Завтра я попробую перейти через горы, – сказал я, – ты присоединишься?

– Я пойду с тобой, – с готовностью согласилась Оли.

– Ну, вот и отлично. Давай спать. Утро вечера мудренее.

Но сон никак не шел ко мне. Какой-то предмет под подстилкой давил спину, мешая спать. Снаружи доносились звуки ночного леса, а воздух наполнился приятным ароматом, похожим на запах жасмина, ванили и ночной фиалки одновременно.

– Оли, – тихо позвал я.

– Я здесь, – не замедлил последовать ответ. В полной темноте кентаврисса казалась расплывчатым светлым пятном.

– Почему ты не спишь?

– Я слушаю дерево. Оно говорит, что здесь погибли люди.

– Ты можешь говорить с деревьями?..

– Все кентавры моего племени могут это.

Я не стал больше задавать вопросов на эту тему. Мало ли, что еще бывает возможно здесь, если, конечно, у моей спутницы не галлюцинации.

– Ты не чувствуешь запах? – спросил я.

– Какой?

– Очень приятный. Как будто какими-то цветами пахнет.

– Наверное, это запах моего тела, – ответила Оли после непродолжительной паузы.

– Запах твоего тела? Земные девушки много отдали бы за такую способность.

– Спасибо. Мне приятно слышать это от тебя. Хорошо, что ты не видел меня два года назад. От меня так воняло, что близко пройти нельзя было. Я была тощей, совершенно плоской и лысой – женщины зачем-то брили мне голову.

– Бедная.

Я поднялся и, приблизившись к собеседнице, погладил ее по голове.

– Разве можно стричь такую красоту?

В ответ Оли потерлась о мою руку и прижала ее к щеке.

– Ложись рядом со мной, я мягкая, – сказала она.

Утром я обнаружил предмет, мешавший мне спать. Им оказался противогаз 1933 года выпуска. В его брезентовой сумке вместо фильтра лежали копытные

клещи, рашпиль и нож, завернутые в лист серой бумаги. «Под этим деревом и нигде, геройски пал энкаведе, при коннице Буденного, отряд Сруля Говенного!» – было написано на нем.

«Значит, Оли не фантазировала вчера, – изумился я. – Здесь действительно погибли люди». Посмертную записку, судя по подписи, оставил сам командир, хотя слагать стихок о трагедии, причем такой дурацкий, мне показалось неуместным. Когда же у автора нашлось время на поэзию? И откуда были эти бойцы, из кавалерии или внутренних войск? Непонятно.

Я перевернул всю сухую листву в дупле и вокруг дерева, но больше ничего не нашел. Даже гильз и осколков не было.

Оли с любопытством наблюдала за мной, она проснулась первой. Осторожно, чтобы не разбудить и не раздавить меня, поднялась, и, пока я спал, насобирала большой пакет, свернутый из каких-то лопушистых листьев, орехов.

– Оли, а ты права! Здесь действительно был бой.

– Бой? Нет, убийство! Людей убили спящими! Перегрызли шеи и выпили всю кровь.

Я решил, что кто-то из двоих соврал: Либо дерево кентавриссе, либо «поэт» грядущим читателям. Зачем это дереву – непонятно. Но если сражения не было, то скорее всего было предательство.

– Что ты ищешь? – спросила Оли.

– Какое-нибудь оружие, потерянное людьми.

– И нашел?

– Это не оружие, это противогаз.

– Противно что...?

– Противогаз. Маска. Вот, смотри, – и я напялил находку на голову. Я даже и не подумал, что реакция кентавриссы может быть подобной. Оли завизжала. С места попятилась назад. Загребла ногами, упершись в дерево, и села на землю, схватившись за грудь. Я резко сорвал маску.

– Оли, не бойся! Это всего лишь маска, игрушка, – я потрепал резину руками, бросил на землю и под футболил.

– Я уж было подумала, что ты оборотень, – прошептала кентаврисса. Ее лицо побледнело, губы дрожали.

– Сердце в копыта ушло, – пожаловалась она, – а второе (у кентавров ее вида сердце было два: в человеческом и в конском теле) – в задние копыта.

– Прости меня, пожалуйста. Я никогда больше не буду так шутить. – мне было стыдно. – Надо же быть таким дураком! Два дня как познакомился с девушкой, и уже чуть до смерти не напугал!

Оли поднялась.

– Ты стал похож на урпа в этой маске, – сказала она.

Осторожно ступая, кентаврисса подошла к противогазу, легонько толкнула его копытом.

– Зачем людям такие маски? – спросила она.

– Для войны.

– Чтобы пугать врагов?

– Нет. Для защиты дыхания. Как тебе объяснить? Вот если бы ты сидела в хлеву с мордюшами в этой маске, ты бы не почувствовала их вони.

– Если бы я... Бедные мордюши! – кентавриссе стало смешно. – Они бы так навоняли с перепугу, что и сами бы задохнулись. Знаешь что, давай возьмем с собой эту «кожу урпа».

Позавтракав, мы собрались и отправились в путь.

Глава 5. Перевал

До ледников мы дошли довольно быстро. В этом месте гора была не очень высокой. Оли остановилась. Сломав веточку и подняв левую переднюю ногу, кентаврисса принялась ковырять в копыте, при этом низко наклонившись и поддерживая ногу правой рукой.

- Жутко неудобно наверное, – сказал я.
- Камешек в стрелке застрял, – пожаловалась Оли.
- Давай помогу, – предложил я, достав ковочные инструменты.
- А это не больно?
- Нисколечко.

Я аккуратно вычистил мякишные хрящи специальным ножом, потом подровнял форму копыт, устранив рапшилем заломы. Впрочем, работы было немного.

- Ну вот, теперь идеальные копыта, – сказал я, складывая инструмент.
- Спасибо! – Оли сделала что-то вроде реверанса. – Так гораздо удобнее.

Я протянул ей брезентовую сумку.

– Возьми, это теперь твое. Косметичка и педикюрный набор у тебя уже есть, осталось раздобыть расческу и зеркальце.

– Мое?! Ты даришь мне эту прекрасную сумочку с такими чудесными, нужными вещами?.. – Выражение лица Оли стало как у земной девушки, награжденной сумочкой из кожи какого то очень редкого крокодила, украшенной бриллиантами, золотом, платиной, рубинами и изумрудами, сшитой собственноручно Коко Шанель. Непонятно было, что она сейчас вытворит: завизжит и заскачет на месте или разрыдается. Но не исключено, что и в том, и другом случае Оли, исполненная благодарности, задушит дарителя в объятьях, а такая перспектива меня пугала.

– Ну, что ты, Оли! Не такая уж она и прекрасная. И лично для меня не представляет ни ценности, ни надобности. Зачем мне она? Я ведь не девушка, и копыт у меня нет.

– У меня никогда еще не было личных вещей! – глаза Оли сияли от счастья. – Мне никто никогда ничего не дарил! Спасибо!

– Постараюсь исправить эту несправедливость. На Земле принято дарить друг другу подарки, особенно когда мужчина что-то дарит женщине.

– Какой ты добрый! Как же мне повезло встретить тебя!

Попросив Оли наклониться, я надел на нее свою шерстяную кофту: в горах все-таки прохладней. Рукава оказались коротки, живот не прикрыт, а на груди кофта еле сошлась оставив очень глубокое декольте.

Весь день ярко светило солнце. Было тепло, и мы прошли большое расстояние. Но с наступлением сумерек резко похолодало. Оли вся дрожала, шерстяная кофта ее совсем не грела. Мне пришлось укутать торс кентавриссы одеялом, а самому надеть кожаную куртку. Скорость нашего продвижения заметно снизилась. Хотя мы не делали остановок, да и наш путь был прекрасно виден в свете звезд и трех лун, появившихся на небе одна за другой, за всю ночь мы прошли вдвое меньше, чем за день. Копыта кентавриссы пробивали корку наста, и ноги глубоко проваливались в снег. Но главные неприятности, как оказалось, ждали нас впереди.

Неожиданно моя спутница стала как вкопанная. Прямо передо мной из сугроба вынырнуло чудовище. Из за белой, как у полярного медведя, шкуры, монстр почти сливался со снегом. Встав на задние лапы, он возвысился надо мной чуть ли не на метр. Я выставил навстречу огромным рукам и оскаленной пасти копые и едва успел

увернуться от падающего монстра. Тварь попыталась подняться, но была успокоена моим палахом. Убитый хищник был не единственным. Их было множество, и мы оказались окружены ими. Одно из чудовищ рухнуло, пробитое насквозь брошенным Оли копьём – вчерашнее обучение не прошло даром. Другому монстру, подскочившему совсем близко, мне удалось подсечь палахом ноги. Когда тварь упала, я добил ее ударом в грудь и тут же сам я был повален на снег третьим хищником. Чудовище навалилось сверху, вдавив меня в сугроб. Его маленькие красные глазки сверлили ненавистью. Если бы не огромные острые клыки, монстра можно было бы принять за гориллу-альбиноса. Сжав шею монстра, я изо всех сил старался держаться как можно дальше от себя его страшную пасть. Вдруг монстр дернулся и обмяк, глаза его потухли – это Оли воткнула копьё в затылок чудовища. Оттолкнув мертвую тушу, я встал. Еще одна тварь упала рядом с перерезанным горлом. Третью кентавррисса огрела древком по голове с такой силой, что, очевидно, проломила чудовищу череп. Древко тоже разлетелось в щепки. Выхватив пистолет я открыл огонь, целясь в головы саблезубых обезьян. Пятеро упали, остальные бросились бежать. Как глупо я ошибся, подумав, что испугал их своим парабеллумом! Огромная лавина мчалась вниз, вызванная выстрелами. Она подхватила нас, и дальше я уже не помнил ничего.

Придя в себя среди снега и трупов снежных монстров, я к счастью оказался цел и невредим. Туша одной из застреленных обезьян смягчила мое падение. Пистолет остался при мне, я успел убрать его в кобуру. Рюкзак и одеяло валялись рядом. Прочие вещи и оружие нашлись довольно быстро, но моей спутницы не было видно нигде. Внизу простиралась цветущая долина с небольшими озерцами, над которыми клубился пар. Но я не решался спускаться, долго бродил вокруг и звал Оли. Наконец, отчаявшись, я уже собирался уйти, как вдруг увидел зверя, роющего снег в стороне. Внешне он напоминал черного леопарда, только размером не меньше быка. Валявшиеся вокруг обезьяны его не интересовали.

– Значит, он нашел нечто другое. – Зарядив новую обойму я двинулся к хищнику. Боясь опоздать, я прицелился на ходу, но в тот же миг хищник обернулся ко мне. Грянул выстрел. Зверь прыгнул. Он расставил в воздухе длинные лапы, шкура натянулась между ними, как у белки летяги. Но на снег летун упал уже мертвый. Вторая пуля попала ему в глаз. На месте, где рылся «тигр», из-под снега торчал белый лошадиный хвост. Через несколько минут мне удалось откопать Оли полностью. Как я обрадовался, узнав, что она жива! Потеряв в лавине кофту и одеяло, Оли сильно замерзла, я растер ее снегом. Когда она очнулась, напоил коньяком из фляги, помог подняться и довел до ближайшего озера с теплой водой. В горячей ванне кентавррисса согрелась окончательно.

Глава 6. В долине ванн природных и пупсов огородных

Тигр-летун был не единственным обитателем долины. Племя странных существ, радостно свистя и хлопая в ладоши, окружило нас, нежащихся в термальном источнике. Существа напоминали вставших на задние лапки сусликов, только очень больших. Особенно выделялся из них один: он был выше других, весь вылинявший, горбатый, с длинной, но редкой бородой. Его голову украшала шляпка с какого-то гриба, очень похожая на мухоморью. «Суслик» опирался на кривой сук, как на посох. Все замолчали вокруг, когда он принялся что-то торжественно свистеть. Я толкал кентавриссу в бок. Но ее разморило от спиртного и теплой воды, и на мои тычки она не обращала никакого внимания.

– Оли! Оли! Что он говорит?

Вот когда я пожалел, что так и не выучил язык свиста. Было понятно, что нас приветствуют и за что-то благодарят. Но что им ответить?

Пьяная кентаврисса поднялась и, просвистев что-то визитерам, вылезла из озера. Ее ноги заплетались. Оли рухнула на песок и снова заснула. А зверьки бросились врассыпную.

– Оли, что ты сказала им?!

– Чтоб шли в задницу. У меня голова раскалывается от их дурацкого свиста, – пробормотала она с закрытыми глазами.

– О Господи! Ну и переговорщика же я себе приобрел!

Но кентаврисса уже отключилась и не слышала ничего.

В долине некогда жили люди. Невдалеке я заметил несколько заброшенных строений. Одни были разрушены до основания, у других еще сохранились стены. Я выбрал одно наиболее целое. Оно стояло рядом с пещерой в скале, явно рукотворного происхождения, размером с дверной проем. Пещера оказалась заброшенным медным рудником. Из веток поваленного неподалеку гигантского можжевельника я соорудил навес над входом в нее. После встречи с летающим тигром уже не верилось в сказки рассказанные кентавриссе ее мамой. Рудник показался мне наиболее безопасным убежищем.

Оли проснулась. Чувствовала она себя совершенно нормально, ее лишь слегка штормило после коньяка.

– Я послала пупсов в задницу?..

– Ага.

– Так и сказала? – Идите туда, – Оли кивнула в сторону крупа, – Под хвост?..

– А есть где-то еще? – сострил я.

– Нет. Видно же, что нет! Ты смеешься!? Где ты видел двупопых кентавров?

– Извини. Вообще-то я никаких кентавров до встречи с тобой не видел. Да я и не понял, что ты просвистела пупсам, но они бросились наутек сломя голову.

– Значит, то самое и просвистела. Какой ужас!

– Моя вина. Я и не ожидал, что тебя так развезет с полулитра коньяка.

– Это от того противного лекарства?

Уж если что и было противным в моем коньяке, то только его цена. Но обсуждать это с кентавриссой было бессмысленно, и я утвердительно кивнул.

– Да. От него. Побочное действие. Пупсы, наверное, страшно обиделись?

– Испугались. Это огородники. Они все буквально понимают.

– Глупость какая! Слова, конечно, неприятные, но как их можно принимать всерьез? У них, что совсем нет чувства юмора?

– Это для нас неприятные слова или неуместная шутка, а для маленького всего боящегося зверька – ужас какой то. Меня они видели впервые – что если я ненормальная? Вдруг я действительно начну бедолаг ловить и как бы это назвать?... – глумиться?..

Я не выдержал и рассмеялся. Кентавресса тоже.

– Ну что-ж, надо мириться, – выдавила Оли сквозь смех.

– Это будет сложно?

– Нет. Извинюсь, возьму свои слова обратно.

Мы подкрепились печеными орехами, после чего я отправился спать.

Оли помирилась с пупсами. В долине кроме них жило несколько видов разумных животных, мечтавших заручиться нашим покровительством. Застреленный мною тигр был самым крупным из местных хищников. Он держал в страхе всех, кроме шерстистого носорога, пасущегося на горных лугах, и гигантского ленивца, обитающего в лесу. Были здесь и другие хищники: где-то на западе долины жили пещерные пауки. Они охотились в лесу, а в горы обычно не поднимались. Ночные гремлины – мелкие хищники. И роща плотоядных деревьев, на самой границе с пустыней. Иногда с гор спускались снежные гориллы, но долго здесь не жили.

Обитатели долины пришли к нам в надежде, что мы избавим их от всей этой нечисти. Сразу после долинных нас посетили представители горных пупсов. Вернее, всего один пупс, а двое других – и вовсе непонятные зверушки. Горные или скальные пупсы отличались от долинных или огородных, как их называла Оли. Они были выше, более поджарые, и шкура у них была пятнистая – белые круглые пятна на сером фоне. Жили они в пещерах с ящерами и буревестниками. Скальные ящеры похожи на игуан или гаттерий, но ходят на задних лапах. У этих рептилий – три глаза. Буревестники скорее напоминали пингвинов. Эти разумные нелетающие птицы с белоснежным оперением, вырастали до одного метра. Их крылья трансформировались в трехпалые руки. В одной норе всегда селятся трое: пупс, ящер и буревестник. Они женятся, заводят детей и дружат семьями. Наверное, каждая нора похожа изнутри на коммунальную квартиру. Этот симбиоз очень хорошо помогает им в борьбе за существование. Все трое отлично говорили на обоих принятых здесь человеческих языках. Они рассказали мне, что раньше жили в обширных пещерах на западной границе долины, но поселившиеся там исполинские пауки заставили их искать другое жилье. Первой появилась огромная самка, все население пещер в ужасе бежало от нее. Она дала потомство, и долину ожидала страшная участь. Но нашлись трое героев, уничтоживших жуткий приплод. Пока буревестник, притворившись раненым, водил паучиху за собой по лабиринтам пещеры, пупс и ящер добрались до яиц. Они разгрызали жесткие оболочки, высасывали содержимое. Их животы раздулись до невозможных размеров, но герои продолжали есть. Уничтожив всю кладку, они упали без чувств. Поймавшая птицу паучиха вернулась к своим яйцам, но вместо них нашла неподвижных ящера и пупса. Паучиха сожрала героев, зато долина была спасена. К сожалению, шесть яиц просто не влезли в переполненные животы, и из них вылупились паучата – сейчас они превратились в огромных мохнатых монстров. Если они дадут потомство, погибнет все вокруг. Еще в долине жили тихари, плюши и древесные ленивцы. Последние только внешне похожи на земных собратьев. Эти звери крупнее, проворные и вооружены острыми когтями. Они вполне могли за себя постоять, и потому не спешили знакомиться с нами. Тихари чем-то напоминали кошек, мишек и мартышек одновременно, а плюши – медвежат и коал. Их безжалостно уничтожали твари, которых местные жители называли ночными гремлинами.

– Не так уж и много врагов, – подумал я. – Может, получится как-нибудь с ними ужиться, или перебить их всех к чертовой матери пупсам на радость?

К дальнейшему путешествию по Ирию я пока не был готов. Да и куда идти? Позади ледник с саблезубыми гориллами, справа и слева отвесные скалы, прямо – пустыня, до которой еще надо добраться через рошу деревьев-людоедов. Может, стоит временно поселиться здесь, обзавестись новыми друзьями и союзниками, изучить местную природу и культуру и собрать сведения о правителях планеты или ком-либо, кто может вернуть меня домой.

За свое недолгое пребывание в этом мире я семь раз чуть не лишился жизни и решил без необходимости не искушать судьбу снова.

Поселившись в долине, первым делом я смастерил себе лук. Материалом для него послужила ветка поваленного ветром огромного кипарисовидного дерева. Древесина оказалась подходящей – очень прочной и гибкой. Тетиву у меня получилось сплести из сухожилий летающего тигра. Стрелы неплохие вышли, из длинной красной травы, похожей на камыш. А наконечники из меди я отковал в кузнице, которую устроил прямо под навесом возле рудника. Оли принесла огромный камень, ставший наковальней. А скальные пупсы сделали мне неплохой кремневый молоток. Лук получился отличный: мощный, длинный. Такими вооружались в средние века английские стрелки. Пусть им труднее пользоваться, зато бьет далеко и с первой стрелы может свалить любую из нападавших на меня тварей. Мне предстояло обучаться постоянно, чтобы стать настоящим лучником, ибо патронов в пистолете осталось мало.

– Не хочешь попробовать? – я протянул лук наблюдавшей за моей тренировкой кентаврессе. – Только перчатку надень, а то пальцы отобьешь. Себе я их уже слегка пришиб, после чего смастерил перчатку с кожаными щитками на запястье и пальцы.

Оли взяла лук.

– Всегда хотела научиться, – сказала она.

Кентавресса опустилась на колени, чтобы стать ближе ко мне. Я объяснил ей как нужно держать лук и стрелу, натягивать тетиву и целиться. Первая попытка получилась неудачной. Лишь только Оли отпустила тетиву, раздался щелчок и крик кентавриссы. Нет, пальцы Оли не пострадали, тетива ударила по ее левой груди. К счастью, обошлось небольшим синяком. С перепугу я сразу приложил к ушибленному месту мокрый платок.

– Проклятый хищник! – ругалась кентавресса. – Даже мертвый кусается! Надо новую тетиву из корней тлалосе сплести или из моих волос, а жилы выкинуть или лучше сжечь.

– Прости, пожалуйста, это моя вина! Очень больно? Как я не додумался... Вот дурак! Тебе, наверное, вообще из лука стрелять нельзя.

– Думаю можно, только лук держать по-другому. Я от груди стреляла, как люди в Содоморе, а надо от подбородка, как ты. Или привязать перчатку на грудь.

Тут до меня дошло, на чем лежала моя ладонь. Резко одернув руку, я едва не уронил платок. Судя по испуганному лицу Оли, мое лицо, наверное, приобрело цвет спелой клюквы.

– Тебе плохо?.. – воскликнула кентавресса.

– Нет. Вовсе нет, просто...

– Тогда приложи еще, пожалуйста. Боль почти прошла, и синяк проходит.

Вновь намочив платок и стараясь не смотреть на Оли, я аккуратно положил его на ее округлость и уже собирался убрать руку, но Оли перехватила ее и упруго прижала к себе.

«Вот и расплата за выработанную на Земле привычку – не пялиться на женские прелести! – орала моя совесть, – Оли теперь больно, а тебе стыдно! Надо смотреть на лучницу, а не на мишень. Кстати... Мишень – это выход!»

– Подержи сама, – прервал я неловкую паузу. – Мне надо посмотреть мишень. Оли отпустила мою ладонь, слегка надув губы.

– Оли, а попала ты просто классно! У меня не всегда так получается! – крикнул я, подойдя к мишени.

Кентаврисса засияла улыбкой.

– Я попробую еще? – крикнула она. Вновь подняв лук, Оли натянула тетиву к подбородку и отпустила. Стрела попала точно в цель, и прелести моей подруги не пострадали.

– Ну как? – крикнула начинающая лучница.

– Прекрасно! – я развел руками.

В дальнейшем у нее стало получаться еще лучше. Оли воспринимала упражнения как игру. А после того, как я смастерил ей защиту на левую грудь, кентаврисса стала стрелять гораздо лучше меня. Наверное, у нее был врожденный талант. Оли просто чувствовала лук, как чувствовала деревья.

Кентаврисса оказалась прекрасной помощницей, за один день она восстановила стены дома. Балки и двери мы сделали из веток можжевельника, а крышу покрыли красным камышом, цветущим наподобие амаранта (Оли называла его кровохлебкой – корень этой травы очень ядовит). Внутри я сложил камин из камней и сколотил деревянный стол. В доме было теплей, чем в пещере, а ночи были прохладные. На ночь мы закрывали бойницы каменными затычками и растапливали камин. Себе я сделал ложе из веток и шкуры летающего тигра, Оли же спала обычно стоя, склонив голову на грудь, или откинувшись назад укладывала торс на конскую спину. Только лишь очень устав за день, кентаврисса ложилась на мягкие можжевельные ветки на полу и засыпала моментально.

Глава 7. Про королевскую охоту, а также рабскую работу

Однажды рано утром мы проснулись от оглушительного стука в дверь, воплей и свиста.

– Просыпайтесь! Выходите! Мы поймали паука!

Буревестник тархтел, как дятел. Пупс оголтело свистел, и громко шипел ящер. Я резко открыл дверь, и птица долбанула меня в коленку, заставив прыгать на одной ноге и вспоминать разными «добрыми» словами проклятого дятла и его маму.

– Он ужже вторую ночь вас выслежживает, а мы его поймали, – радостно прошипел ящер. В ста шагах от дома притаилась нерукотворная западня для всех вновь прибывших – лужа смолы. Жители долины всегда обходили ее стороной и вовремя просветили нас с Оли. Я стал использовать это вещество вместо угля для плавки меди, изготовления факелов и чтобы быстрее разжечь костер. В вязкой черной луже паук напоминал муху на липкой бумаге, только размером с большую собаку. Его ноги были, наверное, в длину больше метра, а челюсти смогли бы прокусить меня насквозь. И как эти три товарища умудрились его сюда заманить? Туловище и лапы паука покрывала густая красная щетина, сильно испачканная смолой. Членистоногий монстр, наверное, был того же вида, что и застреленный мной в пещере во вторую ночь путешествия. Того паука мне не удалось хорошо рассмотреть, его съели ящеры-падальщики. Впрочем, и этим я «любовался» недолго. Оли подняла здоровенный булыжник и швырнула в насекомое с такой силой, что брызги оранжевой крови полетели во все стороны, к великому восторгу пупса, ящера и буревестника. Камушек килограммов так с пятьдесят, брошенный с размаху моей подругой, размазал чудовище, как соплю, и наполовину утопил в «гудроне».

– Как же его теперь достать из смолы?

– Ой! Извини, я не подумала! Надо было эту мерзость копьём заколоть и им же потом выковырять. Но я так боюсь и ненавижу пауков!

– Да вытащим мы его! По частям вытащим! Мы хоть каждый день смолу черпать готовы, если ты будешь в день по пауку давить! – ободряли кентаврису радостные неразлучные друзья.

Происшествие натолкнуло меня на мысль. Сшив довольно быстро из кусков шкур чучело пупса, я набил его сухой травой, листьями и вымазал смолой.

– Что ты будешь делать с этой куклой? – спросила Оли.

– Ловить пауков, – ответил я.

К западным скалам мы двинулись вдоль верхней границы долины, окаймленной ледником, скалами, высокими горами. Вела нас тройка скальных друзей, заманившая паука. Идти через лес Оли не советовала, опасаясь встретить врагов в зарослях. Все пупсы и буревестники повывлазили из своих норок в снегу и приветствовали нас. Многие из них отправились с нами, вооружившись кольями, копьями с костяными наконечниками и каменными молотками. В одном месте наш путь проходил мимо огромной пещеры. Меня предупредили, что нужно идти как можно тише. Здесь было настолько мощное эхо, что сильный шум мог вызвать обвал. В середине дня мы подошли к логову пауков. В это время солнце палит очень сильно и почти все хищники спят. Нам, спускавшимся сверху, пещеры были видны еще издали. Их новые хозяева оплели входы паутиной. Привязав к кукле веревку, я бросил ее в ближайшую пещеру. Веревка натянулась почти сразу и потащила меня следом. Оли схватила конец, и скоро огромный паук был извлечен из своей норы. Как просто! Таким способом мой дедушка ловил тарантулов в степи, когда был подростком. Орава пуп-

сов и буреветников налетела на паука. Они били его молотками, кололи копьями, кусали и клевали, пока совсем не разорвали на куски. Привлеченная шумом, огромная самка (ее размеры втрое превышали человеческие) выскочила наружу. Мелюзга бросилась врассыпную. Я выхватил пистолет, но Оли опередила меня, швырнув подвернувшийся валун в голову паучихи. Раздался хруст, насекомое перевернулось и вытянулось. Оно было мертво. Отцепив куклу от останков паука, я кинул ее в следующую нору. В этот раз пришлось подождать и даже подергать за веревку, после чего паук осмелился клюнуть. Его ждала та же участь, что и сородичей. Смола с куклы почти совсем стерлась, да и сама она превратилась в подобие половой тряпки. Мы решили вернуться домой.

По дороге мне пришла еще одна идея ловушки. «А что если набить шкуру саблезубой гориллы горячей глиной из грязевого вулкана, обмазать смолой, и поставить перед дверью? Оли говорила, что пауки хорошо видят в темноте и теплокровных. Возможно, у них развито инфракрасное зрение. Если они явятся сюда ночью, то могут принять горячую глину за теплую кровь и прилипнут».

Вечером я принялся мастерить чучело. Оли помогала мне, переступив через свою брезгливость. Мертвых кентаврисса боялась едва ли не больше, чем хищников. А тут и мертвец, и хищник – два в одном. Когда же я начал набивать куклу глиной, противно стало и мне. Саблезубая обезьяна имеет специфический запах, сравнимый разве что с букетом из запахов год не мытого человека и псины. Если жил на Земле Маугли, то пах он, наверное, как-то так. От тепла вонища усилилась многократно. Чтобы закончить работу, мне пришлось завязать нос и рот мокрой тряпкой. Наконец, набив и зашив куклу, я отошел на несколько шагов назад, разглядывая свой труд. Ящер, пупс и буреветник стояли рядом, восхищенно вытаращив глаза на чучело.

– Ну как? – обратился я к ним и к Оли.

– Великолепно! Здорово! Как живой! – закричали друзья.

– Прошу знакомиться: наш новый друг – Вонючка Гарри. Будет жить у нас, надеюсь, что недолго.

Скальные друзья захихикали. Оли скривилась – шутка ей не понравилась.

– Привет, Гарри, старина!!! – крикнул буреветник, восторженно разведя руки. – Как же ты воняешь!.. – Птица покачала головой, после чего закатилась смехом вместе с ящером и пупсом, если можно назвать смехом кудахтанье, кваканье и писк.

– Гарри, ты б что ли помылся? А? – предложил новому знакомому ящер.

– Воняет и правда жутко, – согласился я.

– Как все снежные монстры, – пожалала плечами Оли. – Хотя ты прав. Пауки не клюнут на запах хищника. Но это легко исправить.

И, не дожидаясь вопроса, как именно исправить, Оли повернулась к чучелу задом и обписала с головы до ног.

– Теперь они будут думать, что это кентаврисса, – сказала Оли в ответ на удивленное выражение моего лица. Раньше она никогда так себя не вела, хотя понятия стыда у кентавриссы отличались от людских.

– Бедняга Гарри, за что его так унизили!.. – трагически произнес пупс, шмыгнув носом. – Замочили средь бела дня...

– Гарри, когда я сказал помыться, я не это имел в виду, – Покачал головой ящер.

– Гарри! Так ты теперь Оли?! – крикнул буреветник.

Друзья снова расхохотались. Оли пропустила их шутки мимо ушей.

– Не очень-то похоже на кентавриссу, – пробормотал я.

– Пауки не особо сообразительны, – ответила Оли. – Пупс тоже не был похож на настоящего.

– Да он и не пах как настоящий! – возразил пупс.

– Дубина! Он же к пауку в нору полез! – одернул приятеля ящер. – К тебе в дом влезут, ты сильно принюхиваться будешь?

Кентаврисса повернулась лицом к чучелу.

– Ну вот, – сказала она с довольным видом, – Обсохнет, и можно смолить. Теперь хоть не так воняет.

В тот же вечер я вынес из дому от греха подальше шкуру летучего тигра. Не знаю, догадалась ли о причине моего поступка Оли, но обрадовалась очень сильно и обещала соткать мне кучу мягких циновок. Скальные друзья тоже остались довольны, забрав мою постель в свою нору.

Ночью мы не зажгли огня в камине и почти не спали. Сжав палаш, я сидел около двери, готовый к нападению. В конце концов сон все же сморил меня. Но очень скоро я проснулся от громкого шума. Снаружи что-то тархтело, шуршало. Оли стояла посреди дома с копьём наготове. Мы так и не решились выйти ночью, но и сомкнуть глаз до утра тоже не смогли. Утром был обнаружен улов – аж два паука прилипли к чучелу. По-видимому, второй, принял попытки первого освободиться за схватку, и пришел на помощь. Оли затоптала их обоих копытами. Последнего скальные жители поймали без меня и кентавриссы. Но смерть его ждала совсем не такая, как других. Связанного паука пупсы и буревестники дотащили до своего нового места обитания. Там его обмазали смолой, обложили сухими ветками и подожгли. На казнь собрались все пупсы и буревестники, даже ящеры пробудились от спячки. Явились любопытные из огородных пупсов. Я присутствовать не стал, сжигание живого существа не представлялось мне интересным зрелищем. Оли тоже не пошла. Ее жалостливая душа не выдерживала вида страданий беззащитной жертвы.

Уничтожение пауков принесло нам славу и добавило забот. Долинские пупсы, постоянно подвергавшиеся набегам гремлинов, стали умолять меня и Оли избавить их от этой напасти. Я обещал помочь, но и представить не мог, как это сделать. Гремлины нападали в основном ночью, а днем прятались в скалах, колючих зарослях и роще плотоядных деревьев, приближаться к которой Оли строго-настрого мне запрещала. Со слов кентавриссы, деревья испускают запах, который привлекает и сводит с ума людей и многих других существ, делая их легкой добычей хищных растений. Оли считала, что именно роща стала причиной исчезновения в долине людей.

– Пупсы наверняка это знают! – возмущалась кентаврисса. – Подло с их стороны отправлять тебя в логово гремлинов! Пусть сами стерегут свои огороды и хижинки, раз такие бессовестные!

– Оли! Да ты просто умница! Отлично ты придумала! – воскликнул я, осененный внезапной идеей.

– Правда? Я умница? Спасибо! – умилилась ошарашенная похвалой кентаврисса. – А что я придумала?

– Чтобы пупсы сами стерегли свои огороды. Надо вооружить и обучить сражаться пупсов, тогда они сами смогут защитить себя в любой момент.

– Здорово! – Оли было обрадовалась, но сразу осеклась. – Только где мы оружия столько возьмем, да еще и подходящего пупсам?

С того дня я почти безвылазно работал в кузнице, изготавливая наконечники для копий и топоры. Именно это оружие наиболее подходило как огородникам, так и скальным жителям, умевшим обращаться с заостренными палками и камен-

ными молотками. Поначалу у меня выходило лишь несколько топоров за день. Мне пришлось выковать множество необходимых кузнечных инструментов, сделать из глины литейные формы. Мой кузнечный опыт был весьма посредственным – помощь кузнецу в армии. А познания в литье сводились к отливке в детстве свинцовых грузил, поэтому инструменты и формы приходилось переделывать несколько раз. Зато, когда производственный процесс наконец налажился, количество наконечников и топоров выросло до сотни. Качество оружия тоже стало лучше, ибо я постиг изготовление бронзы. Получив новое блестящее оружие, пупсы ходили гордые и счастливые. Соплеменники им завидовали. Оли говорила, что пупсы называют меня своим королем. Правда, сам я чувствовал себя их рабом: еще затемно я начинал работу и оставлял когда солнце уже пряталось за горы и долину освещали одна или более лун. Моим «подданным» кроме оружия срочно понадобились керамические горшки, кувшины, чашки и тазы. В долине было много глины разных сортов. Из одной получалась отличная посуда, другая шла на формы для отливки наконечников стрел и копий, третья, застывая, держала камни не хуже цемента. Отдыхая от кузнечной работы, я брался за гончарную. Уставал я ужасно, и те несколько часов, что выпадали мне на сон, спал как убитый. Слава Богу, у меня была помощница. Что бы я делал без Оли? Сказать, что кентаврисса работала как лошадь, было бы не только некорректно (лошадь для кентавров – слово нецензурное), но и неправильно – как лошадь вкалывал я, а Оли – как взвод стройбата и средних размеров трактор. Еще она убедила огородных пупсов снабжать нас продуктами и металлом, чем весьма сэкономила наше время. Скальные жители вызвались помогать сами. Они изготавливали древки копий и ручки топоров, добывали для меня медь, серебро, олово и золото. Обучала стрелять пупсов Оли, она же сама мастерила для них маленькие луки. А уроки рукопашного боя преподавала тройка неразлучных друзей – буревестник, ящер и пупс, овладевшие новым оружием первыми.

Высыпаться удавалось лишь високосными ночами. Поначалу, правда, я порывался работать в кузнице, что очень огорчало и нервировало Оли. Даже прогулка ночью у кусты вызывала у кентавриссы панику:

– Не ходи! Не ходи туда! Можно же до утра потерпеть!

– Ага. Потерпишь тут, особенно когда утро через полтора суток!

Выходить ночью я перестал после того, как однажды во время работы в кузнице мне чуть было не прилетело в голову гремлинское копьё, брошенное из кустов. Пришлось оборудовать в доме ночной горшок – в углу за ширмой. А время в високосную ночь посвящать плетению веревок и работе с деревом.

За десять лунных циклов мы вооружили почти всех долинных пупсов и скальных жителей. Идея оказалась верной. Оснащенные новым оружием, огородники выдержали нападение на деревню. Убитых и раненых среди них было вдвое больше, чем у гремлинов, но последним пришлось отступить. В тот же вечер крупный отряд скальных пупсов, ящеров и буревестников столкнулся с гремлинами недалеко от бывших паучьих нор. Встреча была неожиданной для тех и других, но бой получился нешуточный. Гремлины сильнее пупсов и буревестников, проворнее ящеров. Они созданы для убийства. Но скальных жителей было в три раза больше, они были лучше вооружены и настроены решительно. Потери были равные с обеих сторон. Под утро к полю боя пришел огромный носорог. Гремлины разбежались, побросав раненых, которых победители уничтожили, увеличив число убитых врагов вдвое. Моя настоящая профессия тоже пригодилась: всех раненых приносили ко мне для оказания помощи. У местных жителей иммунитет очень хороший. Кровь останавливается быстро, раны не гноятся (здесь, наверное, просто нет гнилостных и болез-

нетворных бактерий). Пришитые хвосты и лапы прирастают на третий день. Приходилось делать и полостные операции, предварительно введя в наркоз пациентов напоив(по совету Оли) водным раствором корня кровохлебки.

После победы скальных жителей все разумные существа в долине захотели приобрести луки. От ленивцев, размером почти с человека, до тихарей, которые были не крупнее кошки. Луки делала в основном кентаврисса, она стала настоящим мастером. Знала, какое дерево лучше подходит и как его обрабатывать. По ее словам, деревья сами говорили ей это. Я тем временем решил разделаться с последним врагом в долине. В самом ее низу, на границе с пустыней росла большая роща хищных деревьев. Они отравили всю растительность возле себя, кроме колючих кустарников и красного ядовитого камыша. Первое, что я сделал – это перекрыл все речки и ручьи, питающие рощу. Одну речку я развернул к западным скалам, где вновь обосновались скальные пупсы с ящерами и птицами. Теперь у них появилось достаточно воды, чтобы вычистить замусоренные пауками пещеры. Для строительства дамб мне пришлось сделать тележку. Ну и трудное же это было дело! Колеса я выдолбил из ствола гигантского можжевельника: пришлось рубить дерево топором, а затем придавать кускам нужную толщину бронзовой стамеской и ножом. Зато потом кентаврисса возила мне сразу по тонне камней, которые оставалось только сложить. Вместо цемента я использовал смолу и глину из грязевого вулкана.

Уже через две високосные ночи после завершения последней дамбы листья хищных деревьев засохли и осыпались без воды. Вместе с Оли и толпой скальных жителей мы отправились вечером в сторону рощи, где подождли заросли кровохлебки, разделявшие хищную рощу с остальной долиной. Сухая трава вспыхнула, как порох. Ветер с гор раздул пламя с большой скоростью, и вскоре оно объело всю рощу. Мы ушли подальше от пламени. Считалось, что дым кровохлебки ядовит. Утром следующего дня я отправился посмотреть на результат пожара: кровохлебка и колючий кустарник выгорели дотла, хищные деревья обгорели. Они не погибли, а впали как бы в оцепенение, их голые обугленные ветви безжизненно повисли. Чтобы они не ожили больше никогда, я стал сдирать кору со стволов деревьев с помощью топора. Оли и скальные жители принялись мне помогать. Пришли на помощь и огородники. За несколько дней мы расправились со всей рощей. Мертвые деревья были свалены, порублены на куски и сожжены на уголь. В роще я впервые увидел гремлинов. Мертвые, они валялись то тут, то там среди голых стволов. Пупсы насчитали пятьдесят трупов. По-видимому, плотоядный лес был последним прибежищем мелких монстров. По размеру гремлины не больше пупса, но длинные когти и пасть, усеянная острыми зубами, делали их опасными противниками. К тому же у многих нашли топоры и копья.

– Они погибли от дыма, – сказала мне Оли.

Еще мы обнаружили в роще множество скелетов людей и животных, оставшихся после пиршества деревьев. Скальные пупсы собрали их в кучу. По традиции Ирия, останки всех нехищных разумных существ должны предаваться огню. Кости обложили хворостом и подождли, предварительно обмазав смолой и маслом из плодов огненного цветка. Масло это горит, как керосин. Само растение в сухом виде тоже хорошо горит. Смешав масло огненного цветка с селитрой, я изобрел довольно мощную взрывчатку. Изготовить порох у меня не получилось из-за отсутствия серы, но селитры было полно в старых навозных кучах пупсов, что я заметил еще у Иоганна. Среди останков нашлось много личных вещей, большинство из них были бесполезны. Ну зачем, например, может понадобиться пожеванное седло или лоскуток мундира? Но для пупсов весь этот хлам представлял большую ценность,

они собирали его и тащили в свои норы. Мне удалось найти зеркальце от автомобиля и жестяную коробочку из-под чая. В последней оказалось действительно настоящее сокровище: жемчужное ожерелье, каждая бусинка которого была с вишню величиной. На Земле этого хватило бы лет на сто безбедной жизни. Но зачем оно мне здесь? Я гораздо больше был бы рад, окажись в коробочке патроны к парабеллуму. Свои находки я решил подарить Оли. Вид огромного количества останков расстроил кентавриссу, и она удалилась домой.

Еще одним следом человека в долине были земные растения. Вокруг дома росли яблони, апельсины и грецкий орех. Я также посадил здесь семена из сухофруктов, кедровые орехи и фундук. Правда, ничто из этого еще не проросло, зато местные культуры, посаженные Оли, уже начали давать первые урожаи. Пользу от дружбы с кентавриссой просто невозможно было переоценить. Она переносила грузы, которые были не под силу нескольким людям, работала в кузнице, в огороде, да еще и неплохо готовила. А в доме Оли ходила так осторожно, что, несмотря на свои размеры, не задевала ни посуды, ни нехитрой мебели, сооруженной мною. Постепенно я привык к необычности своей подруги, хотя знал о ней еще очень мало. Тяжелый ежедневный труд почти не позволял нам общаться.

– Иногда мне кажется, – как-то раз сказала Оли, – что раньше я была человеком.

Да. Если бы она была девушкой на Земле, у меня никогда не хватило бы духу не то что познакомиться с ней, но даже заговорить. А если бы была лошадью, в жизни не хватило бы на нее денег. Оли я нашел трудящейся в саду. Я позвал кентавриссу, попросил наклониться и закрыть глаза. Оли удивилась, но выполнила просьбу. Я надел ожерелье на ее шею. На роскошной груди кентавриссы оно смотрелось просто великолепно. Уныние на прекрасном лице сменилось восторгом. Я протянул Оли зеркальце, чтобы она лучше могла себя разглядеть. Кентаврисса улыбнулась ослепительной улыбкой, сияющей ярче жемчуга. Опустившись на колени, она обвила меня руками и поцеловала.

– Ты часто говоришь, что хочешь вернуться домой, – сказала она. – Если ты отправишься туда, возьмешь меня с собой?

– Я не знаю, когда попаду туда. К тому же на Земле совсем нет кентавров.

– Ну и хорошо. Хищных хоть бы и вовсе не было. А вегетарианцы тупые, как мордюши, и трусливые, как тихари. Никто не заступится, если тебя будут убивать. Ее глаза снова стали печальными, из уголка одного покатилась слезинка. Я обнял Оли за талию.

– Успокойся. Возьму тебя, конечно. У нас хорошо. Вообще никто никого не убивает и не ест.

Я рассказывал еще много всяких небылиц, чтобы успокоить Оли, и мне это удалось. Рядом росло большое дерево с развесистой кроной, сплошь покрытой красно-розовыми, крупными, ароматными цветами. Забравшись на него, я сорвал один цветок и подарил его кентавриссе. Сияя улыбкой, Оли украсила им прическу. Как и любая девчонка, она обожала цветы, украшения и знаки внимания. Сорвать цветок Оли могла и сама – достаточно только поднять руку. Но получить от меня подарок ей было всегда приятно. Подойдя к маленькому озеру, кентаврисса долго любовалась своим отражением. Заходящее солнце озаряло долину багровым цветом.

Глава 8. Вампиры

Ночью нас посетили незваные гости. Оли тихонько разбудила меня. Она вся дрожала, как осиновый лист. Кто-то осторожно пытался открыть дверь нашего домика. По крыше тоже кто-то лазил, слышалось подозрительное шуршание.

– Это вампиры, – шепотом сказала кентаврисса. – Я чувствую их запах.

И действительно, со двора доносился весьма мерзкий дух – не то плесени, не то гнили. Одна из бойниц была открыта. Скользящая корявая рука, просунувшись в нее, ощупывала дверь. Я подскочил к двери и одним ударом топора перерубил руку. За стеной раздался дикий вопль. В проеме бойницы сверкнули красные глаза, белые клыки и металлический наконечник стрелы. Но кентаврисса выстрелила первой. Вампира отбросило назад, и я сразу же заткнул отверстие камнем. Оли подняла лук и пустила стрелу в потолок. На крыше кто-то взвыл и забился, пригвожденный. Капли его крови упали на пол. Дверь заскрипела от силы, навалившейся на нее. Я вытащил пистолет и выстрелил через щель в двери. В свете сразу двух лун врагов было хорошо видно. Ни одна пуля, выпущенная из парабеллума, не пролетела мимо. Двое упали замертво, двое взмыли в небо на черных крыльях, раненые. Вампир на крыше затих – наверное, умер. На несколько минут воцарилось безмолвие.

– Что будем делать? – шепнула кентаврисса, склонившись к моему уху. Ее душистые локоны упали мне на лицо.

– В дверь не получилось, наверное, полезут через крышу. Им легче нас достать сверху, – ответил я, зажигая лампаду с маслом красного цветка.

Оли взяла копьё и посмотрела на потолок.

– Вампиры не любят кровохлебку, – сказала она.

Неожиданно сильный удар в стену сотряс здание. Через секунду такой же обрушился на противоположную. Вампиры решили пойти иным путем – развалить весь дом, чтобы потом вытащить придавленных камнями осажденных голыми руками.

– Сильно разозлились наверное, -я взял кентавриссу за руку.

– Оли, слушай внимательно. Наклонись ко мне. На счет «три» открываешь дверь и заскакиваешь в шахту. Поняла? Я за тобой.

Оли кивнула в знак согласия.

– Держись за хвост, не отстанешь.

– Не смогу. Ну ладно. Приготовься. Раз, два, три.

Дверь с треском вылетела, пришибив вампира, стоявшего за ней. И кентаврисса с места галопом влетела в шахту. С палахом в одной руке и лампой в другой, я бросился за ней. В тот же миг наше жильё сложилось как карточный домик. Вампиры заметили меня и кинулись следом, но я уже был при входе в шахту. Я швырнул лампу прямо им под ноги, и враги отпрянули от яркой вспышки, озарившей все вокруг. Как же их было много! Огонь перекинулся на навес над кузницей. Я перерубил одну из опор, и навес рухнул, закрыв вход в пещеру. Пламя охватило кучу хвороста и древесного угля в кузнице. Жар вынудил меня отступить в глубь шахты, тем лучше, ибо вампиры открыли огонь из луков и арбалетов. Они не видели цели из-за пламени. Но кто знает, может, шальная стрела пролетит мимо пылающих бревен навеса и попадет в узкий проем штольни. Кентаврисса стояла в тупике, хвостом к выходу. В узкой и низкой шахте ей было ни разогнуться, ни развернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.